

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжский православный институт имени Святителя Алексия,
митрополита Московского»**

Кафедра зарубежной филологии

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Зарубежная филология
(английский язык и литература; теория и практика перевода)»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:
Особенности перевода художественной литературы на примере романа
Ч. Кингсли «Ипатия»

Выполнила студентка
4 курса группы ЗФз-441
заочной формы обучения
Никишина О. А.

(подпись)

Научный руководитель
Фадеева Л. Ю. к.ф.н., доцент

(подпись)

Допустить к защите:
Заведующий кафедрой

(подпись)

(И.О.Ф.)

« ____ » _____ 20 ____ г.

Тольятти 2019

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжский православный институт имени Святителя Алексия,
митрополита Московского»**

Кафедра зарубежной филологии
Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Зарубежная филология
(английский язык и литература; теория и практика перевода)»

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой Л. Ю. Фадеева

(подпись)

(И.О.Ф.)

« ____ » _____ 20__ г.

**ЗАДАНИЕ
на выполнение бакалаврской работы**

Студентка: Никишина Олеся Александровна

1. Тема: Особенности перевода художественной литературы на примере романа Ч. Кингсли «Ипатия»
2. Срок сдачи законченной бакалаврской работы: 10.06.19
3. Исходные данные: учебная литература, периодические издания, Интернет-ресурсы, диссертационные исследования, монографии, зарубежная научная литература по теме исследования, и др.
4. Содержание работы: Введение: актуальность, практическая значимость, теоретическая разработанность темы исследования, объект и предмет, цель, задачи исследования, структура ВКР.
 1. Лингвистические основы художественного перевода
 - 1.1 Понятие художественного перевода
 - 1.2 Использование стилистических приемов в художественном переводе
 - 1.3 Классификация переводческих трансформаций
 2. Специфика перевода художественной литературы
 - 2.1 Роль и передача лексических средств выразительности в романе
 - 2.2 Анализ лексических средств выразительности и стилистических приемов
 - 2.3 Анализ переводческих трансформаций используемых при переводе
5. Ориентировочный перечень графического и иллюстративного материала: таблицы, рисунки (диаграммы, схемы): В работе представлены 2 таблицы
6. Дата выдачи задания «04» февраля 2019 г.

Научный руководитель _____

Л. Ю. Фадеева (к.ф.н., доцент)

(подпись)

(И.О.Ф.)

Задание принял к исполнению _____

О. А. Никишина

(подпись)

(И.О.Ф.)

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжский православный институт имени Святителя Алексия,
митрополита Московского»**

Кафедра зарубежной филологии

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Зарубежная филология
(английский язык и литература; теория и практика перевода)»

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой Л. Ю. Фадеева

(подпись)

(И.О.Ф.)

« _____ » _____ 20__ г.

**КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН
выполнения бакалаврской работы**

на тему: Особенности перевода художественной литературы на примере романа Ч. Кингсли «Ипатия»
студентки: Никишиной Олеси Александровны

	Наименование раздела работы	Плановый срок выполнения раздела	Фактический срок выполнения раздела	Отметка о выполнении	Подпись руководителя
1.	Поиск литературы и других источников, их предварительное изучение, подготовка списка источников	04.02.19	04.02.19		
2.	Формирование плана исследования, его содержания и структуры	15.03.19	15.03.19		
3.	Написание разделов ВКР				
	Введение	01.05.19	01.05.19		

	1 глава	01.03.19	01.03.19		
	2 глава	01.04.19	01.04.19		
4.	Формирование выводов и практических рекомендаций. Написание заключения	20.04.19	20.04.19		
5.	Оформление работы	10.05.19	10.05.19		
6.	Предзащита бакалаврской работы	03.06.19	03.06.19		
7.	Исправление замечаний	05.06.19	05.06.19		
8.	Представление бакалаврской работы на кафедру	10.06.19	10.06.19		
9.	Получение отзыва от руководителя	03.06.19	03.06.19		
10.	Получение справки о проценте оригинального текста	14.05.19	14.05.19		
11.	Подготовка доклада и иллюстративных материалов для защиты	05.06.19	05.06.19		
12.	Изучение отзыва руководителя. Подготовка ответов на замечания	05.06.19	05.06.19		

Научный руководитель _____

(подпись)

Л. Ю. Фадеева

Задание принял к исполнению _____

(подпись)

О. А. Никишина

Содержание

Введение

Глава 1. Лингвистические основы художественного перевода

1.1 Понятие художественного перевода	9
1.2 Использование стилистических приемов в художественном переводе	11
1.3 Классификация переводческих трансформаций	17
1.4 Влияние религиозных убеждений Ч. Кингсли на идейно-художественное содержание романа «Ипатия»	24
1.5 Выводы по главе 1	28

Глава 2. Специфика перевода художественной литературы, на пример романа Ч. Кингсли «Ипатия»

2.1 Роль лексических средств выразительности в создании идейно-художественного содержания романа «Ипатия»	29
2.2 Анализ лексических средств выразительности и стилистических приемов, выявленных в романе «Ипатия»	33
2.3 Исследование переводческих трансформаций, используемых при переводе романа «Ипатия»	49
2.4 Выводы по главе 2	73
Заключение	74
Библиография	77

Введение

Данная бакалаврская работа посвящена изучению особенностей перевода художественной литературы с английского языка на русский язык на материале романа Чарльза Кингсли «Ипатия».

Переводческая деятельность в современном мире становится все более масштабной и выполняет функцию межкультурной коммуникации. Именно через переводы мы получаем доступ к системам знаний других культур, которые, с помощью переводчиков, получают их интерпретацию [2, с.17].

С самого начала перевод выполнял важнейшую социальную функцию, делая возможным межъязыковое общение. Распространение письменных переводов открыло людям широкий доступ к культурным достижениям других народов, сделало возможным взаимодействие и взаимообогащение литературного наследия различных культур [18, с.23].

В ранних переводах Библии или других текстов, которые считались священными или образцовыми, было желание буквально скопировать оригинал, что иногда приводило к двусмысленности или даже полной непонятности перевода. Спустя время некоторые переводчики решили теоретически обосновать свое право на вольное отношение к оригиналу, необходимость воспроизвести не букву, а значение оригинала. Уже в этих первых утверждениях о целях, которые должен преследовать переводчик, можно найти начало теоретических споров нашего времени о приемлемости буквального или свободного перевода, о необходимости сохранять в переводе такое же влияние на читателя, что и оригинал [20, с.106].

Святой Иероним, небесный покровитель и духовный наставник переводчиков – ученик и последователь Цицерона и Горация – скорее причислял себя к касте писателей, чем переводчиков. Поэтому в переводе, который является для него важным видом литературной деятельности, он стремился сам, и побуждал других, следовать советам своих учителей. Святой Иероним утверждал, что переводить нужно свободно, не ограничивая

порывы красноречия и творческого вдохновения рамками исходного текста, не действовать так, как буквальные переводчики [8, с.52].

Многочисленные исследования, сделанные в области изучения переводческих трансформаций и теории перевода, не ослабили интерес лингвистов и языковедов к проблеме перевода художественной литературы, как самому сложному виду перевода. Любой профессиональный перевод включает в себя определенные виды переводческих преобразований, которые являются неотъемлемой частью переводческой деятельности [25, с.56].

Актуальность данной бакалаврской работы обусловлена необходимостью изучения особенностей художественного перевода и определения специфики применения переводческих трансформаций и лексических средств выразительности, использованных при переводе классического английского романа Ч. Кингсли «Ипатия», так как с лингвистической точки зрения, творчество английского писателя, проповедника, историка церкви недостаточно изучено в России.

Объектом исследования настоящей работы является художественный текст романа Ч. Кингсли «Ипатия» на английском языке и его перевод на русский язык, выполненный Н. А. Белозерской.

Предметом исследования выступают лексические средства выразительности, стилистические приемы и переводческие трансформации, используемые при переводе романа Ч. Кингсли «Ипатия».

Материалом исследования послужили: роман на английском языке «Nurpatia – or New Foes with an Old Face» by Charles Kingsley (368 страниц, 567 000 печатных знаков) и его перевод на русский язык «Ипатия» (352 страницы, 485 283 печатных знака), выполненный Надеждой Александровной Белозерской.

Цель данной бакалаврской работы заключается в выявлении частотности и специфики использования лексических средств выразительности и переводческих трансформаций при переводе художественной литературы с английского языка на русский.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

- изучить теорию перевода художественного текста;
- выявить особенности художественного перевода и трудности связанные с ним;
- проанализировать классификацию лексических средств выразительности и стилистических приемов;
- исследовать понятие «переводческая трансформация» и ее типы;
- изучить влияние религиозных взглядов Ч. Кингсли на идейно-художественное содержание романа «Ипатия»;
- произвести количественный анализ частотности и специфики использования лексических средств выразительности и стилистических приемов в романе Ч. Кингсли «Ипатия»;
- произвести количественный анализ частоты и специфики использования лексических, грамматических и лексико-грамматических трансформаций в романе Ч. Кингсли «Ипатия».

Практическая значимость данной бакалаврской работы определяется возможностью использования материалов исследования в курсах теории и практики перевода. Выводы и результаты также могут быть использованы в качестве лекций по лингвокультурологии, стилистике английского и русского языков, межкультурной коммуникации.

Методы исследования: метод сплошной выборки фактического языкового материала, метод сравнительно-сопоставительного анализа оригинала и перевода, прием количественного анализа.

Методологической и теоретической основой нашей работы являются исследования в области лингвистики И. Р. Гальперина, Ю. М. Скребнева, Я. И. Рецкера, В. Н. Комиссарова, Р. К. Миньяр-Белоручева, Л. С. Бархударова, А. Д. Швейцера, А. В. Федорова, Л. К. Латышева, Ю. Найды, Т. А. Казаковой и др.

Цель и задачи исследования определили структуру работы: введение, две главы, заключение и библиография.

Во **введении** мотивируется выбор темы, обосновывается актуальность работы, формируются цель, задачи и методы исследования, определяются объект и предмет исследования, дается характеристика теоретической базы и практическая значимость работы, указывается ее объем и структура.

В **главе 1** дается критический обзор литературы по теме исследования перевода художественного текста, уточняется определение средств выразительности и стилистических приемов, рассматриваются классификации средств выразительности и стилистических приемов, вводится определение и представляется классификация переводческих трансформаций, актуализируется роль религиозных убеждений Ч. Кингсли на идейно-художественное содержание романа «Ипатия».

Глава 2 посвящается рассмотрению художественного своеобразия и особенностей перевода романа Ч. Кингсли «Ипатия». В этой главе подробно исследуются и показываются на многочисленных примерах частотность и специфика употребления лексических средств выразительности, освещаются особенности использования переводческих трансформаций, при переводе романа на русский язык; приводятся примеры фактически исследуемого материала, представляются результаты количественного анализа.

В **заключении** излагаются результаты исследования, делаются необходимые выводы.

Список цитируемой литературы из 50 источников составляет **библиографию**, и отражает основные работы, посвященные общим и специальным вопросам выбранной темы.

Глава 1. Лингвистические основы художественного перевода

1.1 Понятие художественного перевода

Художественный или литературный перевод представляет собой вид индивидуального творчества, при котором произведение, существующее на одном языке, воссоздается на другом. Специфика художественного перевода определяется, с одной стороны, его местом среди других видов перевода, а с другой, его соотношением с оригинальным литературным произведением. [23, с.83].

Основной целью художественного перевода является достижение адекватности. Основным способом достижения адекватности является умение переводчика производить различные переводческие преобразования и трансформации, чтобы текст перевода как можно точнее передавал всю информацию, содержащуюся в исходном тексте, с соблюдением соответствующих норм языка перевода [4, с.57].

Рассматривая проблему перевода литературных текстов в целом, следует отметить, что структурные различия между языками вынуждают переводчика искать решения с учетом лингвистических особенностей вокабуляра определенной эпохи и узуса героев повествования. Переводчик должен вложить в переводимые с языка оригинала монологи и диалоги такой лексический и грамматический материал, который не просто передает имплицитный смысл, заложенный автором, но и выражает характер персонажа, его образование и воспитание [43, с.37].

Перевод художественных текстов по праву считается самым сложным. Так как, далеко не каждый переводчик может выполнить функцию соавтора и создать равноценное литературное произведение на основе оригинального текста. Художественный перевод предусматривает не только отличные знания иностранного языка, но и требует присутствие творческой интуиции, писательского таланта. Переводчик художественной литературы должен уметь тонко прочувствовать и донести основную мысль, вкладываемую автором в свое произведение [4, с.54].

Основной особенностью адекватного художественного перевода является глубокое знание переводчиком культуры и ментальности страны происхождения исходного текста. Кроме того, переводчик должен передать уникальный стиль и замысел автора, точно отобразить внутренний смысл произведения и сохранить гармоничность художественного и стилистическую однородность текста. Переводчиков художественной литературы отличают такие качества как: образное мышление, языковая грамотность, разностороннее образование в области культурологии, истории, религии, философии и др. Каждый специалист по художественному переводу вырабатывает определенный, узнаваемый стиль перевода, и выступает соавтором к создателю оригинального текста [16, с.75].

Отличительной чертой художественного текста является чрезвычайно активное использование лексических средств выражения и стилистических приемов. Это свойство текстов художественно-функционального стиля было замечено еще в древности [9, с.24]. До сих пор мы используем терминологию эстетики античных авторов, когда называем тот или иной художественный прием. Говоря о репрезентативности перевода литературного текста, следует отметить, что число его критериев здесь заметно возрастает. Переводчик должен выполнить больше требований, чтобы создать текст, наиболее полно представляющий оригинал в культуре иностранного языка. Среди таких критериев следует упомянуть, сохранение как можно большего количества стилистических приемов и фигур речи, в качестве важного компонента художественной стилистики произведения [12, с.52].

Следует понимать, что литературный перевод представляет собой художественную ценность, если он выполнен на высоком уровне. Огромное количество произведений мировой литературы стали известны читателям именно благодаря творческой интуиции и мастерству, в первую очередь, переводчиков. Переведенные шедевры мировой литературы стали достоянием и культурным наследием человечества [30, с.108].

1.2 Использование стилистических приемов в художественном переводе

Выразительными средствами языка являются фонетические, морфологические, словообразовательные, лексические, фразеологические и синтаксические формы, существующие в языке как системе с целью логического и эмоционального усиления выразительности. Выразительные средства, работающие на лексическом языковом уровне, являются неотъемлемой частью литературного произведения: поэтического или написанного прозой. Это слова, либо речевые обороты, используемые автором в образном или иносказательном значении [10, с.25].

Помимо выразительных средств языка в стилистике существует такое понятие, как стилистический прием. Стилистический прием выделяется, и тем самым, противопоставляется выразительному средству тем, что является сознательной литературной обработкой языкового факта. Это сознательное и целенаправленное усиление некоторых типичных структурно-семантических свойств языковой единицы (нейтральной или экспрессивной), придаваемых обобщенному статусу и становящихся генеративной моделью. Суть стилистической техники не может быть отклонением от общепринятых правил, так как в этом случае стилистические средства будут противопоставлены языковой норме. Стилистические приемы используют языковую норму, но в процессе ее использования приобретают наиболее характерные черты этой нормы [26, с.54].

Невозможно перечислить и прокомментировать все средства оформления художественного материала в тексте. Мы обратимся лишь к некоторым, частотным, и тут же постараемся оценить возможности их перевода, хорошо понимая, что при таком обилии языковых средств конфликт формы и содержания неизбежен – отсюда частое применение приема переводческих трансформаций и неминуемый эффект нейтрализации некоторых значимых доминант перевода. Все средства перевода можно отнести к доминантам перевода, но в реальности часть из них будет

представлена в переводе в ослабленном виде либо ограниченным числом компонентов лексического повтора или при передаче метафоры не удастся сохранить специфику образа.

В современной науке о языковом стиле существует множество классификаций стилистических средств выражения, разработанных лингвистами и исследователями языка во всем мире. В нашем исследовании мы будем использовать классификацию стилистических средств, предложенную Гальпериным И. Р. [7, с.120].

Согласно Гальперину И. Р. стилистические приемы подразделяются на группы согласно тому компоненту значения, который участвует в создании выразительности.

К стилистическим приемам, основанным на взаимодействии словарных и контекстуальных предметно-логических значений, Гальперин И.Р. относит метафору, метонимию, иронию, олицетворение.

Метафора есть скрытое сравнение, основанное на сходстве между далекими явлениями и предметами. В основе любой метафоры неназванное сравнение одних предметов с другими, имеющими общий признак [7, с.125]. Проиллюстрируем функционирование метафоры на материале нашего исследования – романе «Ипатия».

В данном примере употребления метафоры, Евдемон с восхищением рассказывает о лекции Ипатии, где под «*the cold water of philosophy*» понимаем «истинный смысл философии», а под «*bottomless pit of Mythus*» – богатое наследие античной литературы: «*Such a power of extracting the cold water of philosophy out of the bottomless pit of Mythus, I never did hear*» [57, гл.26].

Метонимией называют перенос значений (переименование) по смежности явлений, находящийся в той или иной (пространственной, временной и т. п.) связи с предметом, который обозначается заменяемым словом [7, с.130].

В данном примере мы видим использование приема метонимии, где под городом понимается народ города Афины: «...he will welcome you – all Athens will welcome you – we will collect a fresh school—and you shall be Queen of Athens, as you have been Queen of Alexandria!» [57, гл.25]

Иронией является стилистический прием, образованный в связи с тем, что данная фраза в данном контексте или в силу этой интонации означает ее противоположность или, во всяком случае, теряет свою однозначность. Ирония заключается в стилистическом приеме, в котором истинный смысл завуалирован или противоречит ему [7, с.133].

В данном примере из романа «Ипатия» мы видим разговор насмешливого Рафаэля Эбен-Эзры с отцом Викторией, в котором он уверяет его в своей безумии. При этом и старик, и читатели понимают заключенную в этих словах иронию: «Most certainly, my best sir. Don't fancy that I make any exceptions. If I can in any way prove my folly to you, I will do it» [57, гл.13].

Олицетворением (персонификацией) мы называем троп, который наделяет человеческими чертами неживые объекты. Чаще всего олицетворением передают абстрактные понятия, такие как: мысли, эмоции, времена года, действия [7, с.138].

В данном примере, используемом в романе «Ипатия», приемом олицетворения, человеческие качества приписываются луне: «And the moon rose higher and higher, staring down ghastly and unmoved upon that doomed court of the furies» [57, гл.29].

Стилистическими приемами, основанными на взаимодействии предметно-логических и назывных значений, являются: антономазия и зевгма.

Антономазия относится к числу стилистических приемов, где имя нарицательное заменяется именем собственным и наоборот. В данном стилистическом употреблении мы имеем дело с одновременной реализацией двух типов лексических значений: предметно-логического и именного, основной предметно-логического и контекстно-именного [7, с.135].

В данном примере автор романа «Ипатия» называет Церберами (адскими псами) преследователей Ипатии: «...up the chancel steps themselves—up to the altar—right underneath the great still Christ: and there even those hell-hounds paused» [57, гл.29].

Зевгмой называют прием опускания повторяющихся слов в однотипных синтаксических конструкциях для достижения юмористического эффекта.

Пример употребления зевгмы: «She lost her bag and mind» [7, с.139].

Стилистическими приемами, основанными на взаимодействии предметно-логических и эмоциональных значений, являются: оксюморон, гипербола, эпитет.

Оксюморон основан на сочетании противоречивых понятий, резко контрастирующих по смыслу, сочетание несочетаемого. Автор намеренно настраивает читателя на восприятие противоположностей [7, с.143].

Примеры оксюморона: «living corps», «mad joy», «terribly beautiful».

Гиперболой мы называем одно из средств усиления эмоциональной оценки, заключающееся в чрезмерном преувеличении каких-либо явлений, качеств, свойств или процессов [7, с.151].

Прием гиперболы, то есть явного преувеличения, мы видим в данном примере романа «Ипатия». Мы понимаем, что невозможно скакать на лошади день и ночь напролет, то есть рассказчик явно преувеличивает: «I knew, mother in Israel, that all depended on my pace; and night and day I rode from Ostia toward Tarentum» [57, гл.19].

С помощью эпитетов автор художественного текста или высказывания, различает в объекте или явлении любое из его свойств, качеств или признаков. Эпитет выражается в основном прилагательным или наречием. Эпитетом называют художественное, красочное определение, которое подчеркивает в слове определенную характерную черту, качество [7, с.139]. Следующие примеры эпитетов красочно описывают добродетель брата Арсения, и причины, особого почитания его другими монахами и аббатом

Памвой: «There was a mystery about him which heightened the charm of his surpassing sanctity, his childlike sweetness and humility» [57, гл.1].

Стилистическим приемом, основанным на взаимодействии основных и производных предметно-логических значений, являются фразеологизмы.

Фразеологизмы – это выразительные средства языка, которые используют писатели как устойчивые выражения, образные определения, сравнения, как яркие характеристики событий и явлений [45, с.156].

В данном примере героиня романа Ипатия, использует в своей речи фразеологизм, который характерен и для русского языка: «No more politics for Hypatia from henceforth, my father; no more orations and lectures; no more pearls of Divine wisdom cast before swine» [57, гл.25].

Стилистическими приемами использованием фразеологии являются: сентенции и аллюзии.

Сентенцией мы называем ритмически организованную авторскую мысль. Сентенция обладает всеми признаками афоризма и имеет назидательный характер [7, с.170].

«Never say you know a man unless you've shared an inheritance with him» (William Livethere);

«Never break a fence without knowing why it was put up» (Gilbert Chesterton);

«Never lose patience: this is the last key to open the doors» (A. Saint-Exupery).

Стилистический прием аллюзия, косвенно ссылает читателя на известное историческое, мифологическое, библейское или житейское явление в высказывании. Аллюзия предполагает, что читателю знакомо описываемое писателем событие или факт [6, с.24].

В данном примере использования приема аллюзии, Ипатия сравнивает себя с Пелагеей, используя имена римских богинь Венеры и Афины-Паллады. Известно, что Венера богиня любви и красоты, а Афина-Паллада – богиня мудрости: «That Pallas herself should be conquered every day by Venus Pandemos! That Pelagia should have more power than I!» [57, гл.2]

«Увы, ежедневно Венера всенародная побеждает даже Палладу. Пелагия обладает большей властью, чем я!» [56, гл.2]

Стилистическими приемами описания явлений и предметов являются: перифразы, сравнения и эвфемизмы.

Прием перифраза используется автором для называния предмета или явления вместо собственного имени или названия. Это описательное выражение придает речи выразительность и является средством ее украшения [6, с.35].

Рассмотрим разновидности перифраз по Гальперину И. Р.:

- Традиционный перифраз: «green lung of our planet» (trees), «night light» (moon);

- Оригинальный, авторский перифраз: в данном примере из романа «Ипатия», префект Александрии, Орест, называет Ипатию «Королевой дипломатов и философов»: «Charming! queen of diplomatists as well as philosophers!» [57, гл.2]

С помощью приема сравнения автор выражает свою мысль путем сопоставления и сравнения одного явления или события с другим [7, с.168].

В следующем примере монах Филимон в своем умении плавать сравнивается с уткой: «Luckily Philammon, contrary to the wont of monks, was a bather, and swam like a water-fowl» [57, гл.3].

Эвфемизмы нейтральные по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слова или описательные выражения, обычно используемые в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными. Методы формирования эвфемизмов весьма разнообразны, наиболее распространенным методом, является использование метонимии – выражение какого-либо одного признака или самого понятия [7, с.164].

Каждый перевод, как творческий процесс, должен быть отмечен индивидуальностью переводчика, но главной задачей переводчика является передача в переводе характерных черт оригинала. Для создания адекватного подлиннику, художественного и эмоционального впечатления, переводчик

должен найти лучшие языковые средства: подобрать синонимы и соответствующие художественные образы [31, с.71].

Конечно, все элементы формы и содержания не могут быть воспроизведены с точностью. При любом переводе неизбежно происходит следующее: все переводческие решения при переводе художественного текста принимаются с учетом узкого и широкого контекста всего произведения, личностью переводчика.

1.3 Классификация переводческих трансформаций

Процесс перевода осуществляется в соответствии с алгоритмами действий, в частности, с использованием трансформаций. Трансформация является основой большинства методов перевода и заключается в изменении формальных (лексических и грамматических) или семантических компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи [28, с.31]. Существуют разные точки зрения на разделение переводческих трансформаций на типы, но большинство авторов сходятся во мнении, что основные типы трансформаций являются грамматическими и лексическими. В свою очередь, эти преобразования делятся на подвиды.

Переводческие трансформации представляют собой межъязыковой тип перефразирования, который имеет существенные отличия от трансформаций внутри одного языка. Говоря о мооязычных преобразованиях, имеются в виду фразы, которые отличаются друг от друга по грамматической структуре, лексическому содержанию, имеют одинаковое содержание и выполняют одну и ту же коммуникативную функцию. Сравнивая исходный и переводящий тексты, отметим, что некоторые сегменты исходного текста переводятся «слово в слово», а некоторые – со значительными отклонениями от буквальных соответствий [3, с.85].

В зависимости от характера единиц исходного языка переводческие трансформации делятся на лексические и грамматические, а также, сложные лексико-грамматические трансформации, где преобразования либо влияют на лексические и грамматические единицы оригинала, либо являются межуровневыми, то есть осуществляют переход от лексических к грамматическим единицам и наоборот [46, с.24].

В нашем исследовании мы используем классификацию переводческих трансформаций, предложенную Комиссаровым В. Н., так как она объединяет большинство классификаций предложенных другими исследователями [17, с.200].

Рассмотрим такие формальные лексические трансформации как транскрипция, транслитерация и калькирование. Эти методы перевода репрезентируют лексическую единицу оригинала путем воссоздания его формы с использованием букв языка перевода.

При транскрипции воспроизводится звуковая форма слова на иностранном языке, а во время транслитерации в графической форме (буквенный состав). Основными способами в современной переводческой практике является транскрипция с сохранением некоторых элементов транслитерации. Поскольку фонетическая и графическая системы языков значительно отличаются друг от друга, передача формы слова иностранного языка на языке перевода всегда несколько произвольна и приближительна [17, с.210]. Для каждой пары языков разработаны правила передачи звукового состава, слова иностранного языка, указаны случаи сохранения элементов транслитерации и традиционные исключения из принятых в настоящее время правил. В англо-русских переводах наиболее распространенные элементы транслитерации в транскрипции состоят в основном из транслитерации некоторых непроизносимых согласных и сокращенных гласных [19, с.48].

К лексическим методам перевода мы относим так же прием калькирования. Это метод перевода лексической единицы оригинала путем замены его составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых фраз)

– на их лексические соответствия в языке перевода. Суть калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого словосочетания на языке перевода, который копирует структуру оригинальной лексической единицы. Зачастую, в процессе перевода, транскрипция и калькирование используются одновременно [17, с.211].

Среди лексических преобразований выделяем содержательные трансформации – конкретизацию, генерализацию и модуляцию.

Конкретизацией мы называем замену слова или фразы исходного языка с более широким предметно-логическим значением, словом и фразой переводящего языка с более узким значением. В результате использования этой трансформации созданное соответствие и начальная лексическая единица оказываются в логических отношениях включения: единица исходного языка выражает общее понятие, а единица языка перевода выражает его видовое понятие [17, с.213].

Генерализацией мы называем замену единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей переводящего языка с более широким значением, т.е. преобразование, обратное конкретизации. Создаваемое соответствие выражает родовое понятие, включающее исходное видовое понятие [17, с.214].

Модуляцией, или смысловым развитием является замена слова или словосочетания исходного языка единицей переводящего языка, значение которой логически выводится из значения исходной единицы [17, с.215]. Наиболее часто значения соотнесенных слов в оригинале и переводе оказываются при этом связанными причинно-следственными отношениями.

К грамматическим трансформациям относятся дословный перевод, членение предложений, объединение предложений и грамматические замены.

Синтаксическое уподобление или дословный перевод предполагает, что синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру переводящего языка. Этот тип «нулевой» трансформации

применяется в тех случаях, когда в исходном языке и переводящем языке существуют параллельные синтаксические структуры. Синтаксическое уподобление может приводить к полному соответствию количества языковых единиц и порядка их расположения в оригинале и переводе. Однако применение синтаксического уподобления сопровождается некоторыми изменениями структурных компонентов. При переводе с английского языка на русский, например, могут опускаться артикли, глаголы-связки, иные служебные элементы, а также происходить изменения морфологических форм и некоторых лексических единиц. Синтаксическое уподобление широко используется в англо-русских переводах [17, с.216].

Членение предложения предполагает способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры переводящего языка. Членение предложений приводит, либо к преобразованию простого предложения исходного языка в сложное, либо к преобразованию простого или сложного предложения исходного языка, в два или более самостоятельных предложения в переводящий язык [17, с.217].

Объединением предложений это обратный членению способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения нескольких простых предложений в одно сложное [17, с.218].

Грамматической заменой является такой способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу переводящего языка с иным грамматическим значением. Замене может подвергаться грамматическая единица исходного языка любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа. Понятно, что при переводе всегда происходит замена форм исходного языка на формы переводящего языка. Грамматическая замена как особый способ перевода подразумевает не просто употребление в переводе форм перевода исходного языка, а отказ от использования форм иностранного языка, замену таких форм на иные, отличающиеся от них по выражаемому содержанию

(грамматическому значению) [17, с.219]. Так, в английском и русском языке существуют формы единственного и множественного числа, и, как правило, соотнесенные существительные в оригинале и в переводе употреблены в том же самом числе, за исключением случаев, когда форме единственного числа в английском соответствует форма множественного числа в русском. Весьма распространенным видом грамматической замены в процессе перевода является замена части речи. Для англо-русских переводов наиболее характерны замены существительного глаголом и прилагательного существительным. Замена членов предложения приводит к перестройке его синтаксической структуры. Такого рода перестройка происходит и в ряде случаев при замене части речи. Более существенная перестройка синтаксической структуры связана с заменой главных членов предложения, особенно подлежащего [15, с.31]. В англо-русских переводах использование подобных замен в значительной степени обусловлено тем, что в английском языке чаще, чем в русском, подлежащее выполняет иные функции, нежели обозначения субъекта действия:

- объекта действия (подлежащее заменяется дополнением);
- обозначения времени (подлежащее заменяется обстоятельством времени);
- обозначения пространства (подлежащее заменяется обстоятельством места);
- обозначения причины (подлежащее заменяется обстоятельством причины).

Далее рассмотрим лексико-грамматические приемы перевода, к которым относится антонимический перевод, описательный перевод и метод компенсации.

Антонимическим переводом называется лексико-грамматическую трансформация, при которой производится замена утвердительной формы в оригинале, на отрицательную форму в переводе, или наоборот, которая сопровождается заменой лексической единицы исходного языка на единицу переводящего языка с противоположным значением. В англо-русских переводах эта трансформация применяется особенно часто, когда в

оригинале отрицательная форма употреблена со словом, имеющим отрицательную приставку [17, с.223].

Следующий способ перевода компенсация, при котором часть содержания, утраченная при переводе единицы исходного языка в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале. Таким образом, восполняется («компенсируется») утраченный смысл, содержание оригинала воспроизводится с большей полнотой. При этом нередко грамматические средства оригинала заменяются лексическими и наоборот [17, с.225].

Экспликацией, или описательным переводом называются лексико-грамматические трансформации, при которых лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на переводящий язык. С помощью экспликации можно передать значение любого безэквивалентного слова в оригинале. Недостатком описательного перевода является его громоздкость и многословность. Поэтому наиболее успешно этот способ перевода применяется в тех случаях, где можно обойтись сравнительно кратким объяснением [17, с.224].

Переводческий комментарий является видом экспликации, особым способом компенсации потери смысла во время перевода и предоставляет дополнительную информацию, которая не может быть интегрирована в общий текст перевода [13, с. 107]. В большинстве случаев комментарий к переводу размещается вне текста перевода, в примечаниях или ссылках внизу страницы. Для того чтобы носитель одной культуры мог понять и почувствовать тонкости другой, текст часто должен сопровождаться комментарием, который является одним из основных способов компенсации потери значения во время перевода. Особенно нужны комментарии, слова и выражения оригинального текста, связанные с так называемыми базовыми знаниями носителя языка [14, с.67].

В научных работах по теории перевода проблема типологии комментария к переводу художественных текстов и критериев его точности освещена недостаточно, в том числе и В. Н. Комиссаровым. В нашем исследовании, учитывая специфику безэквивалентной лексики, мы так же выделяем такой способ перевода как переводческий комментарий, предложенный Т. А. Казаковой [14, с.67].

Переводческий комментарий, обычно представляемый в виде сносок или примечаний, предоставляет дополнительную информацию, которая не может быть включена в общий текст перевода. При переводе художественной литературы переводчик часто сталкивается с тем, что персонажи анализируемого произведения сравниваются с историческими фигурами, мифологическими и библейскими персонажами или персонажами других произведений, что помогает автору раскрыть характер своего персонажа, не прибегая к длительным описаниям. Иногда, ссылаясь на историческое событие или период, автор не говорит непосредственно о нем, а называет место, где это произошло, или упоминает имена известных людей того времени. В этом случае передача исторических текстов является основой концепции языковой картины мира, а также базовых знаний и адекватности перевода [42, с.78].

При создании перевода исторического романа необходимо ознакомиться с культурой и историей страны, в которой происходит действие, особенностями языковой картины мира оригинального языка, получить необходимые базовые знания. Эта проблема решается с помощью инструмента перевода – комментария к переводу [14, с.75]. Наименее распространенной, но в то же время эффективной стратегией переводчика при работе с комментарием является использование комментария внутри текста, если он не нарушает структуру повествования. Использование переводческого комментария дает переводчику возможность передавать читателю важную информацию, зашифрованную автором, и расширять культурные знания читателей.

Данный пример применения переводческого комментария в романе «Ипатия», где переводчик расширяет знания читателя о героях «Иллиады» Гомера: «What matter, then, to the philosopher whether these names of men, Hector or Priam, Helen or Achilles, were ever visible as phantoms of flesh and blood before the eyes of men?» [56, гл.8]

«Для философа безразлично, были ли образы Гектора и Приама, Елены [Елена Троянская. По греческой легенде - дочь Леды и Зевса, жена Менелая, похищенная Парисом, что послужило поводом к троянской войне (Гомер). После взятия Трои возвратилась к Менелаю. О ее изумительной красоте, похищении и похождениях сохранился ряд легенд] и Ахиллеса [Ахиллес (Ахилл). Легендарный герой Древней Греции. Сын Пелея и Фетиды, участник Троянской войны, воспетой Гомером в "Илиаде". Во время Троянской войны убил Гектора и сам был убит Парисом] когда-либо доступны людскому взору, обладали ли они обычными жизненными формами» [57, гл.8].

1.4 Влияние религиозных убеждений Ч. Кингсли на идейно-художественное содержание романа «Ипатия»

Английский писатель Чарльз Кингсли (1819 – 1875) был теологом, проповедником и историком церкви. После окончания богословского курса в Кембриджском университете он получил место приходского священника в Хэмпшире, где он жил почти всю свою жизнь, время от времени совершая поездки в столицу. Будучи противником школы Ньюмана, которая защищала теорию «догматического развития» и принцип «открытой теологии», свободный от схоластических рамок, Ч. Кингсли видел в его учении только проповедь нездорового аскетизма и канцелярского догматизма [33, с.25]. Он увлекался работами Ф. Мориса и усердно изучал «Царство Христово», который проповедовал, в отличие от Ньюмена, не возврат в первобытную церковь, но видел в нем непосредственное и постоянное откровение божественного начала в жизни человека. Тесно общаясь с Ф. Морисом,

Кингсли стал сторонником идеи «христианского социализма». Кроме того, сам Кингсли, будучи адептом протестантизма, всегда яростно выступал против католицизма [47, с.36].

Вскоре он примкнул к начатому по инициативе Ф. Мориса «христианско-социальному» движению, развитию которого содействовал статьями в журналах «Политика для народа» и «Христианский социалист», выходившими под псевдонимом «Пастер Лот» в 1849 – 1852 годах. В том же духе христианского социализма Ч. Кингсли была произнесена скандальная проповедь: «Послание церкви к рабочим»; из-за нее Ч. Кингсли едва не был лишен права проповеди, а с другой стороны, приобрел большую популярность среди рабочих [41, с.36]. Чарльз Кингсли 18 апреля 1848 г. расклеил афишу по всему Лондону, в которой в сжатой форме сформулировал основной тезис христианского социализма: «Мы констатируем бедственное положение народных масс и необходимость реформ, но в то же время предупреждаем против всякого насильственного протеста. Всякая реформа должна начинаться с самоусовершенствования, и путь для этого – религия». По мнению мыслителя, для улучшения материального состояния народных масс необходимо их нравственное самоусовершенствование с помощью христианского воспитания [41, с.38].

Специфика религиозного воспитания и образования, по мнению Ф. Мориса, состоит в том, что она основывается на христианских началах и под руководством священников, что следовало его позиции, согласно которой именно принципы христианства – путь к «излечению» общества и усовершенствованию современного экономического строя [50, с.19].

С 1860 по 1869 годы Чарльз Кингсли занимался преподавательской деятельностью в качестве профессора истории Кембриджского университета. В 1869 году он получил приглашение на должность духовника от самого принца Альберта, а затем стал духовником и его супруги, королевы Виктории.

Роман «Ипатия», который является объектом нашего исследования, описывает Александрийскую философскую школу V века, которой руководила главная героиня романа Ипатия и ее отец, математик Теон. Эта школа была центром поздней эллинистической культуры. В романе представлены такие значимые исторические фигуры, как глава александрийского христианства Кирилл, который косвенно спровоцировал убийство Ипатии, и епископ Птолемя Синезий. Особую роль в романе играют сюжетные линии вымышленных персонажей – монаха Филимона и его сестры Пелагеи, а также ученика Ипатии – Рафаэля Эбен-Эзры [36, с.261]. В центре романа образ Ипатии, философа, окруженной восторженными учениками, талантливого математика и непримиримого носителя языческой культуры. Историк Сократ Схоластик характеризует Ипатию следующим образом: «Она приобрела такую учёность, что превзошла современных себе философов; была преемницей платонической школы, происходившей от Платона, и желаящим преподавала все философские науки. Поэтому хотевшие изучить философию стекались к ней со всех сторон. По своему образованию, имея достойную уважения самоуверенность, она со скромностью представала даже пред лицом правителей; да и в том не поставляла никакого стыда, что являлась среди мужчин, ибо за необыкновенную её скромность все уважали её и дивились ей» [38, с.110].

Ей противостоит архиепископ Кирилл, который не может принять идею о том, что христианская вера не восторжествовала в доверенном ему городе, и считает Ипатию своим идеологическим врагом и главным препятствием на пути осуществления амбициозных планов по захвату полной власти в Александрии [36, с.263]. Образ главной героини опровергается писателем, когда два ее лучших ученика, Синезий Киренский и Рафаэль Эбен-Эзра, отказываются от языческой веры и философского учения и находят себя в христианстве. Симпатии автора явно на стороне епископа Синезия, этот образ для него гораздо важнее, чем образ самой

Ипатии; он воплощает идею истинного исповедника, пастора, борющегося за благосостояние своей паствы, и, с другой стороны, древнего аристократа, который сохранил только лучшее из исчезающей эллинистической культуры [36, с.261]. Он является носителем основных идей Ч. Кингсли как теолога. Безумие и тлен язычества обнаруживает и монах Филимон, который столкнулся с философским учением Ипатии и осознал его порочность без христианской веры [38, с.110].

Проблематика романа, направлена на отстаивание идеалов христианской морали и труда, которые автор связывал, в первую очередь с деятельностью истинного пастыря. Сложный моральный выбор в переходную историческую эпоху, созвучен конфликтам и борьбе современности писателя: мощное рабочее движение, в том числе с идеями чартизма и христианского социализма [41, с.40].

На примере романа Чарльз Кингсли пытается донести до читателя свою главную идею – показать внутренний дефект, неполноценность язычества, которое, в конечном итоге, уступает христианству.

Роман отличает динамичный и напряженный сюжет, психологизм, разносторонние герои, высокая историческая ценность произведения, что свидетельствует о своеобразии романа в частности и литературного наследия Кингсли в целом.

Обращение к темам, важным для каждого человека, и популярность у читателя, делают писателя Ч. Кингсли полноправным участником литературного процесса не только второй половины XIX века, но и делают актуальным изучение его творчества в наше время.

1.5 Выводы по главе 1

Главным средством достижения образности речи в художественной литературе, являются выразительные средства языка, которые в свою очередь подразделяются на средства выразительности и стилистические приемы. Наличие данных стилистических средств, как правило, и вызывает главные трудности в процессе перевода. Это обусловлено их авторским характером, следовательно, отсутствием эквивалентов в языке перевода. Согласно классификации И. Р. Гальперина стилистические приемы и средства выразительности выделяются в группы согласно тому компоненту значения, который участвует в создании выразительности.

Для адекватного перевода художественной литературы, переводчик использует доступный ему инструментарий – переводческие трансформации. В теоретической части нашей работы мы так же рассмотрели понятия и классификацию переводческих трансформаций, предложенную В. Н. Комиссаровым. Он классифицирует переводческие трансформации на лексические, грамматические и лексико-грамматические (комплексные).

Мы выяснили, что автор, исследуемого нами романа, Ч. Кингсли, отличался либеральными взглядами. Он был основателем христианского социалистического движения, а также активно поддерживал рабочее движение (чартизм). Ч. Кингсли был противником сближения англиканской церкви с римско-католической. Его воззрения отразились на содержании романа «Ипатия», где критикуется католическая церковь в лице патриарха Кирилла Александрийского, которого автор обвиняет в причастности к трагической гибели главной героини романа – Ипатии.

На примере романа Чарльз Кингсли пытается донести до читателя свою главную идею – показать внутренний дефект, неполноценность язычества, которое, в конечном итоге, уступает христианству. Сложный моральный выбор и внутренние противоречия главных героев в переходную историческую эпоху, созвучен конфликтам и социальной борьбе общества Англии второй половины XIX века.

Глава 2. Специфика перевода художественной литературы, на примере романа Ч. Кингсли «Ипатия»

2.1 Роль лексических средств выразительности в создании идейно-художественного содержания романа «Ипатия»

Специфика исторического романа Чарльза Кингсли «Ипатия» определяется тем, что он создавался как часть Оксфордского движения, так и на основе архивных материалов из истории ранней Церкви [35, с.166]. Романисты в своих произведениях, подробно воспроизводят эпоху зарождения христианства. Решая актуальные религиозные вопросы, они обращаются к сложным этико-философским поискам, показывая столкновения различных философских систем, включают в художественное повествование размышления о философии истории и законах развития исторического процесса [38, с.112].

Размышления Кингсли об историческом процессе связаны с перспективой на будущее, с определением исторических перспектив. Эпоха Александрии в 431 году, на фоне которой разворачиваются события, рассматривается как важный переходный период между упадком средиземноморской культуры и эпохой подъема и развития североевропейских государств [36, с.261].

Для описания Александрии V века автор использует в романе различные группы вокабуляра: архаизмы (устаревшую лексику); историзмы (слова, представляющие собой названия существовавших когда-то, но исчезнувших предметов); культуронимы (слова, обозначающие специфический предмет или явление в культуре), слова религиозной тематики.

Для описания языческого прошлого автор использует слова-архаизмы: «For in the light arm-chair, reading a manuscript which lay on the table, sat a woman, of some five-and-twenty years, evidently the tutelary goddess of that little shrine, dressed in perfect keeping with the archaism of the chamber, in simple old snow-white Ionic robe» [57, гл.2].

Архаизмы часто встречаются в речи учителя Филимона, настоятеля монастыря – Памвы, и указывают на традиционность устоев Лавры: «Thou art late, son ... What didst thou see there?.. Thou hast...'But how knewest thou..» [57, гл.1].

Для описания нового христианского мировоззрения автор использует слова религиозной тематики: sanctity, monk, abbot, praying, parabolani, antichrists, false prophetess, churches, Scripture, holyman [57].

Для создания образа Александрии, как культурного центра, автор использует различные культуронимы: Serapeium, roman citizens, petitions, heathen philosophy, prefect, old gods, sacrifices, colleges, museums, barbarians, priesthood, drama, amphitheatre, scriptures, eunuch, temple, tomb, emperor [57].

В романе присутствует идея столкновения величественной языческой культуры, памятники которой обладают непреходящей ценностью, и нового христианского мировоззрения, отрицающего опыт предыдущих веков [34, с.33]. Христианские представления о ходе времени, настоящем и будущем в романе связаны с мотивами Экклезиаста: «Все земное суета сует, только в Боге смысл и предел человеческого бытия: возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его» (Еккл.12:7). «Откровения» Иоанна Богослова выражены в традиционных библейских цитатах и образах (конец света, Божье наказание, уничтожение Содома и Гоморры): «But in this world it shall stand and conquer, even worse and worse, until the end. These are the last days spoken of by the prophets,—the beginning of woes such as never have been on the earth before—«On earth distress of nations with perplexity, men's hearts failing them for fear, and for the dread of those things which are coming on the earth» [57, гл.1].

Сюжет романа связан с монахом Филимоном, который, совершая путешествие из монастыря в Египетскую Александрию и возвращаясь обратно, проходит одновременно и путь духовного поиска истины. Автор выражает идею ценности знаний античных мыслителей, опыт прошлых веков, древнюю мудрость о том, что время и история цикличны и не

существуют в изоляции. В то же время, автор романа, Ч. Кингсли, показывает конфликт между различными течениями христианства. Патриарх Кирилл вел войну с остатками древних ересей, таких как новатианство и арианство, а также с последователями Маркиона и лидера монархианства Павла Самосатского [33, с.41].

Особое место в романе отводится заключительному разговору Ипатии с ее лучшим учеником и единомышленником Рафаэлем Эбен-Эзрой, который прошел сложный путь духовного поиска. Он изучил различные философские и религиозные течения того времени, от платонизма до стоицизма, эпикурейства, цинизма, скептицизма и, в конце концов, пришел к христианству. Ч. Кингсли проводит сравнение характера и жизни остроумного Эбена Эзры с жизнью Аврелия Августина и Диогена [22, с.61]. Трудный путь Блаженного Августина от язычества, неоплатонизма к познанию учения Иисуса Христа становится прототипом и его поисков. Рафаэль Эбен-Эзра, подобно Августину Аврелию, находясь в состоянии внутренней духовной борьбы и противоречий, отражает неоднозначность и сложность того времени.

Мифологические параллели в романе возникают в связи с другими персонажами: Ипатия – Афина и Пелагея – Афродита противопоставляются, воплощая утонченную мудрость и плотскую красоту [36, с.262].

В финале романа Филимон обращается от языческой философии обратно к христианству. Соответственно, вторая мифологическая линия романа состоит из библейских образов и аллюзий (притча о блудном сыне Давиде и Авессаломе, Иове, Есфире и Мардохее): «And the youngest said, Father, give me the portion of goods that falleth to my share.... And he took his journey into a far country, and there wasted his substance with riotous living» [57, гл.1]. Монах Филимон является своеобразным посредником и связующим звеном между тремя воинствующими силами, которые столкнулись в смертельной битве. Он осознает ценность философской мудрости и языческого наследия прошлых веков. Главная мысль, вложенная в его уста,

автором романа, в том, что история человечества и эпохи не существуют изолированно друг от друга. Ч. Кингсли высказывает мысль, что для любой переломной эпохи в истории, свойственна борьба не просто различных общественных, религиозных и социальных сил, а прежде всего, общечеловеческих нравственных категорий: милосердия, благоразумия, человеколюбия с одной стороны и невежества, фанатизма, жестокости с другой.

В заключительной части романа Ч. Кингсли, говоря о состоянии мира через четверть века после описанных в романе «Ипатия» событий, выступает в роли проповедника и учителя: «Наступила смертельная агония для философии. Гибель Ипатии была роковым ударом для древней мудрости. Недвусмысленным языком дано было понять философам, что человечество покончило с ними, что история взвесила их на весах и нашла непригодными и что они должны уступить» [56, гл.30].

В повествование автор вводит такие исторические персонажи как: архиепископа Александрийского Кирилла, Августина Гиппонского Аврелия, Синезия Киринейского, Памву, настоятеля монастыря. Святой Августин традиционно изображается как церковное светило, богослов, автор «Исповеди», «О граде Божием», многочисленных посланий и проповедей: «People hate the truth out of love for what they regard as the truth» [57, гл.1].

Взгляд автора на течение времени и произошедшие в романе события неоднозначен и связан с определением исторических перспектив. В романе «Ипатия» язычество циклично и свойственно христианскому прогрессивному представлению о времени. Герои, продолжающие философские неоплатонические поиски, размышляют о неизменности человеческой природы, цикле истории, повторении исторических эпох.

Специфика романа Ч. Кингсли «Ипатия» определяется, прежде всего, тем, что он создан в жанре религиозно-исторического романа, и основан на архивных материалах из истории ранней церкви [34, с.39].

2.2 Анализ лексических средств выразительности и стилистических приемов, выявленных в романе «Ипатия»

Практическое исследование данной бакалаврской работы проводится на материале оригинального романа «*Hypatia – or New Foes with an Old Face*» by Charles Kingsley (368 страниц, 567 000 печатных знаков) и его переводе на русский язык романе «Ипатия» (352 страницы, 485 283 печатных знака), представленный в 1893 году, Надеждой Александровной Белозерской – русской переводчицей, педагогом, историком, литератором, журналистом.

В бакалаврской работе приведён анализ лексических средств выразительности и стилистических приемов. Методом сплошной выборки было выявлено 1280 приемов, которые были проанализированы в контексте произведения для определения их роли в создании композиции, образов, тем и идейно-художественного содержания. Также был проведен количественный подсчет самых частотных приемов.

Среди них, самыми употребляемыми приемами в романе были: эпитеты, метафоры и аллюзии. Анализ данных стилистических приемов в контексте романа выявил их многочисленные функции, а именно, усиление эмоционального эффекта и воздействия на читателя; придание тексту большей выразительности и образности; а так же придание повествованию динамичности, которая приковывает внимание читателя.

Рассмотрим каждый прием по частотности употребления в романе.

Своеобразие художественного произведения «Ипатия» создается во многом благодаря обилию *эпитетов*. Частым использованием эпитетов, автор выделяет те свойства и признаки изображаемого им явления, на которые он хочет обратить внимание читателя.

В данном примере мы видим описание древних городов, с помощью ярких эпитетов, благодаря которым, мы можем представить гнетущую атмосферу того времени: «*Thither they had fled out of cities, compared with which Paris is earnest and Gomorrha chaste,—out of a rotten, infernal, dying world of tyrants and slaves, hypocrites and wantons*» [57, гл.1].

«Здесь скрывались люди из древних городов, в сравнении с которыми *Париж* показался бы *степенным*, а *Гоморра* – *целомудренной*. Они бежали от *тлетворного, адски испорченного умирающего* мира тиранов и рабов, лицемеров и распутниц» [56, гл.1].

Описание челнока, на котором плыл Филимон, с помощью эпитета, показывает читателю, как он был беззащитен перед разъяренным гиппопотамом: «The hippopotamus had caught sight of him, and furious with pain, rushed straight at *the unoffending canoe*» [57, гл.3].

«Увидев их, Филимон от смущения вспыхнул, схватился за весла, чтобы уйти от соблазна, но гиппопотам заметил его и ринулся, освирепев от боли, на *беззащитный челнок*» [56, гл.3].

В другом примере автор рисует особую пьянящую, чарующую атмосферу в описании дома Ипатии, куда пришел, очарованный ею, Филимон. В русском переводе не сохраняется эпитет *holy silence*: «So there he sat himself down under the garden wall, soothed by the cool night, and *the holy silence, and the rich perfume of the thousand foreign flowers* which filled the air with enervating balm» [57, гл.5].

«Усевшись возле ограды сада, освеженный прохладой ночи, очарованный тишиной и *ароматом неведомых* цветов, Филимон тщетно ждал, не появится ли существо, ради которого он пришел сюда» [56, гл.5].

Следующие примеры эпитетов красочно описывают добродетель брата Арсения, и причины, особого почитания его другими монахами и аббатом Памвой: «There was a *mystery* about him which heightened the charm of his *surpassing sanctity, his childlike sweetness and humility*» [57, гл.1].

«Его окружал *ореол таинственности*, усиливавший обаяние его *необыкновенной набожности* и почти *детского смирения* и кротости» [56, гл.1].

В следующем примере Ипатия сожалеет, что связала свое имя с префектом Орестом и описывает его, при помощи ярких эпитетов, характеризующих этого человека и его преступления: «..never mention his name to me again! I

have leagued myself with *the impure* and the *bloodthirsty* and I have my reward» [57, гл.26].

«Отец, не упоминай больше его имени! Я жестоко наказана за то, что хотела соединить свою судьбу с *нечистым, кровожадным* человеком» [56, гл.26].

В романе «Ипатия» автор часто использует стилистический прием – *метафору*, чтобы усилить выразительность речи для создания и передачи внутреннего мира героев. Переводчик в большинстве случаев передает авторские метафоры полностью. Тем самым достигается переводческая эквивалентность текста, то есть сохранение его смыслового, стилистического, семантического подобия. Автор описывает образы, ситуации и эмоции героев с помощью метафоры, а читателю нужно постараться понять и уловить смысловую связь, на которой базируется сходство между переносным и прямым значением слова.

В данном примере старый монах дает негативную характеристику особенностям характера женщин, с целью предостережения юного Филимона от общения с ними. Развернутая метафора в русском переводе передается практически полностью: «*A woman first opened the gates of hell; and, until this day, they are the portresses thereof. Unhappy boy! What hast thou done?*» [57, гл.1]

«*Женщина впервые растворила ворота ада и осталась донине его привратницей. Несчастный отрок, что ты наделал?*» [56, гл.1]

Автор так же использует зоометафору в описании женщины, для описания коварства, хитрости и обольстительности, христианской аналогии со змеем искусителем. В переводе эта метафора не сохраняется, переводчик заменяет существительное «змеи» имеющее в русском языке негативную коннотацию на словосочетание «это были женщины» и использует прием компенсации, заменяя значение этой зоометафоры словосочетанием «коварные соблазнительницы»: «*The serpents! – chattering and smiling, with pretty little shrieks and shaking of glossy curls and gold necklaces, and fluttering of muslin dresses, within a dozen yards of him*» [57, гл.2].

«*Это были женщины... Коварные оболъстительницы весело болтали, встряхивали блестящими локонами в золотых сетках и улыбались*» [56, гл.2].

В данном примере епископ Синезий упрекает Рафаеля Эбен Эзра за упрямство, в данной метафоре под «спасительным утесом» понимает христианскую веру: «*Most wayward of men! cried Synesius, half peevishly; you seem to take some perverse pleasure in throwing yourself into the waves again, the instant you have climbed a rock of refuge!*» [57, гл.21]

«Ты странный человек, - почти сердито заметил Синезий. - *Едва достигнув спасительного утеса, ты снова хочешь броситься в воду. Ты находишь в этом какое-то странное наслаждение*» [56, гл.21].

В следующем примере, Рафаель Эбен-Эзра отвечает Синезию с помощью красочной метафоры. Используя метафору «холодная змея» он описывает свои сомнения и страхи: «*And behold, the moment that I awaken to anything noble and right, I find the old serpent alive and strong at my throat!*» [57, гл.21]

«Но вот, возродившись для всего возвышенного и достойного, я снова почувствовал, *что вокруг моей шеи обвивается холодная змея*» [56, гл.21]

В данном примере мы видим употребление развернутой метафоры, при описании, старым монахом видений Апокалипсиса: «*When the sun shall be turned into darkness, and the moon into blood, and the stars shall fall from heaven, and the skies pass away like a scroll, and the fountains of the nether fire burst up around our feet, and the end of all shall come*» [57, гл.1].

«С каждой зарей, с трепетом и надеждой, подняв лицо к небесам, ищу я на них знамение Сына божьего, жду минуты, *когда солнце померкнет, луна обратится в кровь, звезды посыпятся с небесных высот, а подземные огни вырвутся из-под земли, возвещая кончину мира*» [56, гл.1].

В следующем примере автор использует прием метафоры, чтобы показать силу отчаяния и нужду в истинной вере Рафаеля Эбен-Эзра: «*Through every form of human thought, of human action, of human sin and folly, have I been wandering for years, and found no rest*» [57, гл.27].

«Долгие годы блуждал я среди всевозможных форм человеческой мысли, человеческой деятельности, греха и безумия!» [56, гл.27]

В данном примере с помощью метафоры автор раскрывает суть духовного искания на жизненном пути. Человек, прилагая собственные усилия, не всегда может освободиться от влияния сил низшей природы, при помощи которых она сделала его своей частью. Это может сделать сила более великая, чем та, которую может использовать человек по своей воле. В данном примере Рафэль имеет в виду духовную силу епископа Синезия: «Synesius is himself still, I see, and not unworthy of his ancestor Hercules; and though *he shrinks from cleansing the Augean stable of my soul, paws like the war-horse*» [57, гл.21].

«Я вижу, что Синезий остался по-прежнему достойным потомком своего предка Геркулеса. Правда, *он отказывается очистить Авгиевы стойла моей души*, но горячится, как старый боевой конь» [56, гл.21].

В следующем примере мы видим письмо, которое написала Ипатия Филимону, в котором осуждает его сестру Пелагею. Оно полно образных метафор, используя этот прием в речи девушки-философа, автор показывает ее утонченный ум, мудрость и красноречие, которыми так славились античные философы: «*..who can be angry with her, if destiny have informed so fair an animal with a too gross and earthly spirit?*» Why weep over her? *Dust she is, and unto dust she will return: while you, to whom a more divine spark was allotted at your birth, must rise, and unrepining, leave below you one only connected with you by the unreal and fleeting bonds of fleshly kin*» [57, гл.24].

«Она повинуется голосу своей природы. Разве можно на нее негодовать, *раз судьба наделила такое прекрасное животное слишком грубым и низменным духом?* К чему же нам рыдать над ней? *Рожденная из праха, она и превратится в прах. Но тебе была дарована божественная искра в момент твоего рождения, ты должен воспарить над всем земным* и без сожаления покинуть низшее существо, связанное с тобой преходящими и ничтожными узами плотского родства» [56, гл.24].

Рассмотрим подробнее еще один частотный прием, который является особенностью романа «Ипатия» – *аллюзия*. В романе автор использует этот прием, намекая или ссылаясь на библейские, исторические, мифологические и политические факты, события, личности.

В данном примере Ипатия в разговоре со своим отцом Теоном, упоминает исторические фигуры древней Греции, что является приемом аллюзии. Так, упоминается Алкивиад (451-404 гг. до н. э.), один из выдающихся государственных деятелей Афин эпохи расцвета, отличавшийся ораторскими и стратегическими талантами, ученик Сократа: «*She sighed. 'How do you know that they have not come to you, as Critias and Alcibiades did to Socrates, to learn a merely political and mundane virtue?'*» [57, гл.2]

«Она вздохнула - Почему ты думаешь, что они пришли к тебе, *как Критиас и Алкивиад к Сократу*, - лишь для изучения политических и светских наук?» [56, гл.2]

В следующем примере старуха Мириам упоминает библейского героя Иосифа. По библейской легенде – любимый сын ветхозаветного патриарха Иакова и Рахили, отличавшийся необыкновенным целомудрием и красотой. Озлобленные братья хотели его убить, продали его проходящему каравану. Иосиф был перепродан в Египет. Иосиф стал там первым министром фараона: «*You have worn out the old Hebrew hints, you miserable Gentiles, you, and got a Caesar instead of a Joseph*» [57, гл.26].

«Вы, презренные язычники, пренебрегли советами древних евреев, и теперь *вместо Иосифа вам достался Кесарь*» [56, гл.26].

В другом примере Филимон оправдывает гордыню Ипатии и нежелание простить его сестру Пелагею. Мария-Магдалина, по Евангелию – грешница, ведшая развратный образ жизни и раскаявшаяся после встречи с Христом. После второго обращения вступила в число учеников Иисуса: «*She had no Gospel for the Magdalene, because she was a Pagan.... That, then, was the fault of her Paganism, not of herself*» [57, гл.26].

«Ипатия не находила слов утешения для *Магдалины*, потому что была язычницей. Следовательно, это вина язычества, а не проступок Ипатии» [56, гл.26].

В данном примере Рафаэль предупреждает Филимона об опасности, которая грозит ему и его сестре Пелагее, упоминая жену Лота. Согласно библейской легенде, Лот, племянник Авраама, поселился в городе Содоме, осужденном Иеговой на погибель за развратную жизнь его обитателей. Лот, человек праведной жизни, был предупрежден ангелом в предстоящем уничтожении Содома. Ангел велел ему удалиться из города и по пути не оборачиваться. Жена Лота из любопытства обернулась и была обращена в соляной столб: «You have? Then take them with you, and escape, and *remember Lot's wife*» [57, гл.29].

«Если так, то возьми это существо с собой, спасайся и *помни судьбу жены Лота*» [56, гл.29].

В данном примере Филимон упоминает имя Святого Телемаха, христианского святого, преподобномученика, монаха IV века, знаменитого тем, что, пытался остановить бои гладиаторов в римском амфитеатре, за что толпа забросала его камнями: «Ay! murder me as the Romans *murdered Saint Telemachus!* Slaves as besotted and accursed as your besotted and accursed tyrants!» [57, гл.22]

«Да, убейте меня, зарежьте, как зарезали римляне *святого Телемака!* Вы - обольщенные гнусные рабы, достойные своих распутных презренных деспотов!» [57, гл.22]

В следующем примере, Ипатия сравнивается в своих достоинствах с древнегреческими богинями, мудростью с Афиной, силой и могуществом с Герой и красотой с Афродитой: «Who is *Ипатия*, rustic? The queen of Alexandria! In wit, *Athene*; *Hera* in majesty; in beauty, *Aphrodite!*» [57, гл.5]

«Кто Ипатия? О, что за невежество! Она царица Александрии. *По уму – Афина, по величавости – Гера, по красоте – Афродита!*» [56, гл.5]

В романе «Ипатия», стилистический прием *сравнение*, помогает автору оценивать, выражать свою точку зрения, создавать целые художественные картины, давать описание предметов путем сопоставления одного предмета с другим для образного описания различных признаков предметов, характеров действий и поступков.

В следующем примере монах Филимон в своем умении плавать сравнивается с уткой, как мы видим, в переводе это сравнение не сохраняется: «Luckily Philammon, contrary to the wont of monks, was a bather, *and swam like a water-fowl*» [57, гл.3].

«К счастью, Филимон, в отличие от большинства монахов, *часто купался и умел хорошо плавать*» [56, гл.3].

В другом примере старый аббат сравнивает себя с героиней «Илиады» Гомера, пророчицей – Кассандрой. В русском переводе этот прием так же не сохраняется: «I foretold it; I prayed against it; but, *like Cassandra's of old*, my prophecy and my prayers were alike unheard» [57, гл.1].

«Я предсказал, что нахлынет мрачный, неудержимый поток северных варваров; я молил об отвращении его, но *мои пророчества и предостережения* ни к чему не привели» [56, гл.1].

В данном примере гот сравнивает Ипатию с солнцем, пораженный ее красотой, и германской предсказательницей Альруной, чтобы показать силу ее мудрости: «And, certainly, *she looked as fair as the sun, and talked like an Alruna-wife*» [57, гл.12].

«Она была хороша, как солнце, и говорила, как вещая дева-Альруна» [56, гл.12].

В следующем примере, старый носильщик Евдемон, чтобы напугать Филимона, сравнивает толпу евреев, с осиным ульем, при переводе этот прием сохраняется: «If you do me harm, I call for help; we are close to the Jews' quarter, and there are some thousands there who will swarm out *like wasps on the chance* of beating a monk to death» [57, гл.5].

«Если ты вздумаешь меня обидеть, то я позову на помощь: рядом - еврейский квартал, и оттуда, *словно осы из гнезда*, немедленно высыпят тысячи людей, чтобы убить монаха при столь удобном случае» [56, гл.5].

В следующем примере мы видим два приема сравнения, где старуха Мириам сравнивается со змеей и с ребенком: «*She sat, coiled up like a snake on a divan writing busily in a tablet upon her knees while on the cushions beside her glittered splendid jewels, which she had been fingering over as a child might its toys*» [57, гл.19].

«Старуха лежала на диване, *свернувшись, как змея*, и то-то записывала что-то на табличках, лежавших у нее на коленях. Возле нее на подушке сверкали великолепные драгоценные камни, *которыми она забавлялась, как ребенок игрушками*» [56, гл.19].

В следующем примере, с помощью приема сравнения, префект Александрии Орест описывает опасность людей, нападавших на него, называя их *wild beasts*: «*But, fairest Hypatia, conceive yourself struck in the face by a great stone, several hundred howling wretches leaping up at you like wild beasts*» [57, гл.20].

«Подумай только, прекрасная Ипатия, что я перенес, когда в меня бросили камень и несколько сотен *негодяев* устремились ко мне, *точно дикие звери*» [56, гл.20].

В следующем примере мы видим описание эмоций Ипатии, при виде жестокой расправы с ливийскими рабами, в амфитеатре. Причем в русском переводе этот прием дополнен сравнением «дрожала точно в лихорадке», чтобы усилить интенсивность высказывания: «*As I passed beneath her, I looked up; and she was as pale as ivory, trembling in every limb*» [57, гл.24].

«Ипатия *была бледна, как слоновою костью, и дрожала, точно в лихорадке*» [56, гл.24].

В данном примере, с помощью приема сравнения, описывается внешность Филимона: «*Why were those eyes set in your head, and made to sparkle bright as jewels, sweet as mountain honey? »* [57, гл.26]

«На что у тебя *глаза, сладостные, как горный мед, и лучезарные, как самоцветные камни?*» [56, гл.2].

Для описания характера насмешливого и остроумного Рафаэля Эбен-Эзры автор часто использует *прием иронии*. В переводе, переводчик сохраняет ироничную манеру общения героя, делая его образ обаятельным и запоминающимся.

В следующем примере мы видим диалог Рафаэля и отца Виктории, который построен на иронии: «So we three fools will forth together».

«And the greatest one, as usual, must help the rest» [57, гл.13].

« - Возможно. Таким образом, мы, три безумца, вместе отправимся в путь.

«- И величайший дурак, по обыкновению, окажется опорой и руководителем прочих» [56, гл.13].

В другом примере мы видим продолжение этого диалога, при этом ироничная форма общения сохраняется: «A flea, sir – a flea – nothing more»

«But a patrician flea, surely, to judge by your language and manners?» [57, гл.13]

« - Я? Блоха. Простая блоха, не более!»

« - По крайней мере, патрицианская блоха, судя по твоему разговору и обращению» [56, гл.13].

Лексический термин *олицетворение*, заключающийся в переносе признака живого на неживое, автор часто использует в романе «Ипатия».

В данном примере мы видим, как с помощью приема олицетворения, природа наделяется качествами живого существа, этот прием сохранился и в переводе: «.. and there he lay, bestrewn, as *if by some mockery—or pity—of mother nature, with faded roses, and golden fruit, shaken from off the boughs in that last deadly struggle*» [57, гл.13].

«В насмешку или из сострадания природа-мать покрыла его увядшими розами и золотистыми плодами, осыпавшимися с кустов и деревьев во время ожесточенной схватки» [56, гл.13].

В следующем примере мы отмечаем пример олицетворения, где человеческие болезни применяются к Александрийской церкви, в русском

переводе этот прием сохраняется: «In the hour of that unrighteous victory, *the Church of Alexandria received a deadly wound*» [57, гл.30].

«С момента его победы в теле Александрийской церкви открылась смертельная язва» [56, гл.30].

В данном примере статуя Христа уподобляется живому человеку, Богу, и наделяется его характерными чертами: «*The colossal Christ watching unmoved from off the wall, His right hand raised to give a blessing—or a curse?*» [57, гл.29]

«Над престолом высилась громадная фигура Христа, неподвижно смотревшего вниз, воздев правую руку для благословения» [56, гл.29].

В данном предложении автор продолжает развивать свою мысль приемом олицетворения. и читатель, вместо каменного изваяния Христа, может представить живого Спасителя, тем самым автор усугубляет ужас содеянного преступления: «And still the shrieks rang on, and still *the great Christ looked down on Philammon with that calm, intolerable eye, and would not turn away*» [57, гл.29].

«А крики по-прежнему продолжались, и по-прежнему огромная статуя Христа непрерывно смотрела на Филимона спокойным, нестерпимо спокойным взглядом» [56, гл.29].

В следующем примере мы видим как с помощью приема олицетворения, Христианской церкви приписываются человеческие качества: «Moreover, meekness under insult, fortitude in calamity, the contempt of worldly comfort, the worship of poverty as a noble estate, were virtues which *the Church Catholic boasted as her peculiar heritage*» [57, гл.7]

«Кротость и твердость духа, презрение к мирским радостям и любовь к бедным были добродетелями, которыми гордилась христианская церковь, как своим неотъемлемым наследием» [56, гл.7].

Автор романа «Ипатия» Чарльз Кингсли, использует фразеологизмы, как готовые образные определения, сравнения, как эмоционально-образительные характеристики героев, окружающей действительности. Они делают роман более ярким, образным, выразительным и являются его

особенностью. Основными фразеологическими средствами являются цитаты из Святого Писания, древнегреческая литература, учения древнегреческих философов, христианских богословов и проповедников. В русском переводе фразеологизмы сохраняются в большинстве случаев, так как имеют общий историко-культурный фон, характерный для представителей европейской цивилизации [12, с.87].

В данном примере герой романа Рафаэль Эбен-Эзра использует устойчивое выражение, фразеологизм *cast it in my teeth*, характерное для англичан, это выражение не требует дословного перевода и может быть переведено как «упрекать»: «No one man can this day cast it in my teeth that I am weak enough to believe or disbelieve any phenomenon or theory» [57, гл.13].

«Ни человек, ни ангел, ни демон *не уличат* меня теперь в том, что я признаю или отвергаю какой-либо факт или какую бы то ни было теорию относительно неба и земли» [56, гл.13].

Такой же распространенный фразеологизм использует автор, в описании состояния Филимона, когда он не мог рассказать правду о своей сестре Пелагее. Переводчик переводит его в соответствии с нормами русского языка: «But when they offered the very help which he implored, and asked him to tell his story, *the poor boy's tongue clove to the roof of his mouth*» [57, гл.27].

«Но бедный узник как будто *лишился дара речи*, тогда тюремщики, обещая свое содействие, предлагали ему рассказать о своих страданиях» [56, гл.27].

В следующем примере используется распространенный, и в русском языке, фразеологизм. Когда говорят об обратной стороне медали, всегда имеют в виду нечто отрицательное, противопоставляя его положительному: «You know but *one side of the medal*, Нупатиа, and the fairer; *I have seen its reverse as well as its obverse*» [57, гл.27].

«Тебе знакома *только одна, красивая сторона медали*, я же видел и ее *оборотную сторону*» [56, гл.27].

В другом примере используется фразеологизм, связанный с Римским императором Юлианом Отступником, который хотел вернуть язычество, и в

связи с этим казнил множество христиан. Среди них был и великомученик Артемий Антиохийский. Во время битвы с персами невидимая рука смертельно поразила императора. Умирая, Юлиан произнёс: «Ты победил, галилеянин!», адресованы эти слова были христианам: «What – what would Nupatia answer if, after all, Aben-Ezra said like the dying Julian, "*The Galilean has conquered*» [57, гл.27].

«Что бы сказала Ипатия, если бы Эбен-Эзра воскликнул вместе с умирающим Юлианом: *Ты победил, галилеянин!*» [57, гл.27]

В данном примере мы видим цитату из Книги Притчей Соломоновых, ставшую распространенным фразеологизмом (Притч.14,10): «*The heart knoweth its own bitterness, and a stranger intermeddleth not with its joy*» [57, гл.1].

«*Сердце знает свое горе, и не войти постороннему в радость его*» [56, гл.1].

Прием *гиперболы* позволяет Кингсли усилить смысл и эмоциональность высказывания. Чтобы показать силу германских воинов автор часто использует этот прием в описании их внешности: «*In the bows stood a man of gigantic stature, brandishing a harpoon in his right hand*» [57, гл.2].

«*На носу стоял человек исполинского роста. В правой руке он держал наготове гарпун, а в левой - веревку от другого гарпуна*» [56, гл.2].

В данном примере Старуха Мириам говорит о силе своего напитка, чтобы впечатлить и обмануть монаха Филимона. Мы понимаем, что такие превращения невозможны, следовательно, отмечаем, прием гиперболы: «*Why not? What has made them beasts may make us angels*» [57, гл.26].

«*Не беспокойся. То, что превратило их в животных, нас вознесет к ангелам*» [56, гл.26].

В следующем примере, Филимона использует прием гиперболы, уговаривая свою сестру Пелагею, уединиться в монашеской келье, для отпущения грехов: «*And I will build you a cell near mine, and kind men will teach us, and the*

will pray together night and morning, for ourselves and for each other, and weep out our weary lives together» [57, гл.24].

«Я поставлю твою келью рядом с моей; любвеобильные монахи станут нас поучать, *днем и ночью мы будем молиться за себя и друг за друга и не расстанемся до самой смерти»* [56, гл.24].

В другом примере мы видим, как с помощью приема гиперболы, Евдемон описывает магические способности Мириам, от которых он предостерегает Филимона: «Come; but give her good words-as are fit to an enchantress *who can stay the stars in their courses, and command the spirits of the third heaven»* [57, гл.19].

«Иди, но будь с ней приветлив, ведь она волшебница. *Она может остановить движение светил, она повелевает духами третьего неба»* [56, гл.19].

В данном примере, прием гиперболы используется для описания страданий Филимона, при виде позора своей сестры Пелагеи: «And still Pelagia danced on; *and for a whole age of agony, he could see nothing in heaven or earth but the bewildering maze of those white feet»* [57, гл.22].

«Пелагия продолжала танцевать. Филимону казалось, что смертельная агония длится вечно. *Земля и небо исчезли, и он видел лишь непрерывное движение белых ног»* [56, гл.22].

В следующем примере, Ипатия говорит о силе своей красоты, чтобы успокоить своего отца Теона: «You tell me that I am beautiful, you know; *and beauty will tame the lion»* [57, гл.25].

«Ты мне часто говорил, *что я хороша, а ведь красота способна укротить даже льва»* [56, гл.25].

Пример гиперболы мы видим в описании святости и добродетели Филимона: «It was well known that in his most solemn devotions, on those long nights of unceasing prayer and self-discipline, which won him a reputation for *superhuman sanctity*, there mingled always with his prayers the names of two women» [57, гл.30].

«Им стало известно, что во время непрерывной молитвы и жестоких самобичеваний, которые окружали Филимона *ореолом сверхчеловеческой святости*, он в самые торжественные мгновения упоминал имена двух женщин» [56, гл.30].

В следующих предложениях мы находим яркие примеры *метонимии*. В одном из них, в диалоге Рафаэля Энен Эзры с префектом Александрии Орестом, о предполагаемом восстании наместника Африки Гераклиана, мы видим пример метонимии. Здесь, «властитель Африки», подразумевается, как наместник одной из стран континента, а не всего материка Африки: «What, is it *not enough to be Count of Africa?*» [57, гл.2]

«Как? Разве ему *не достаточно быть властителем Африки?*» [56, гл.2]

В следующем примере, когда Орест рассказывает Ипатии о победе Гераклиана, он использует прием метонимии, где под «всей Александрией» понимаются жители этого города: «We will take care *that all Alexandria knows it before sundown. Heraclian has conquered*» [57, гл.20].

«Я позабочусь, *чтобы вся Александрия узнала о них* сегодня же до заката солнца: Гераклиан победил» [56, гл.20].

В данном примере мы видим пример метонимии, где под городом Афины понимаются жители этого города: «..he will welcome you – *all Athens will welcome you*—we will collect a fresh school—and you shall be Queen of Athens, as you have been Queen of Alexandria!» [57, гл.25]

«Не только он, но и *весь город с радостью встретит тебя*, и ты станешь властвовать в Афинах, как ты властвовала в Александрии!» [56, гл.25]

В другом примере мы видим употребление приема метонимии, где под «человечеством» понимаются жители Александрии: «In language tremendous and unmistakable, philosophers had been informed that *mankind had done with them*» [57, гл.30].

«Страшным и недвусмысленным языком дано было понять философам, *что человечество покончило с ними*» [56, гл.30].

В следующих примерах мы видим, как Ч. Кингсли использует в романе яркие авторские *перифразы*:

В данном примере префект Александрии Орест, называет «королевой дипломатов и философов» Ипатию: «*Charming! queen of diplomatists as well as philosophers! I go to obey you*» [57, гл.2].

«Прекрасно! Царица дипломатов и философов! Я повинуюсь тебе» [56, гл.2].

В данном примере Рафаэль обращается к префекту Александрии, называя его «наместником Цезарей»: «*And for what kind purpose does the representative of the Caesars bestow such an honour on the humblest of his, – your penetration will supply the rest*» [57, гл.2].

« В связи, с чем наместник цезарей оказывает такую великую честь одному из своих покорных слуг» [56, гл.2].

Пример *антономазии* содержатся в романе, где синонимами имени «Христос» выступают «Спаситель», «Сын божий», «Всевышний», «Сын Человеческий»: «*I look up trembling, and yet in hope, for the sign of the Son of man on Heaven*» [57, гл.1].

«С каждой зарей, с трепетом и надеждой, подняв лицо к небесам, ищу я на них знамение Сына божьего» [56, гл.1].

В следующем примере мы види пример антономазии при употреблении имени нарицательного адского пса Цербера. Это трехголовое существо, вселяющее в сердца людей страх. На сегодняшний день, его имя является нарицательным, ассоциирующееся со злобой и жестокостью. В переводе на русский язык этот прием не сохраняется, а заменяется существительным «убийцы»: «*..up to the altar—right underneath the great still Christ: and there even those hell-hounds paused*» [57, гл.29].

«Здесь-то, возле безмолвного Спасителя, и остановились убийцы» [56, гл.29].

Автор романа «Ипатия» Ч. Кингсли мастерски использует различные группы лексики для создания неповторимых и запоминающихся образов героев романа. Переводчик Н.А. Белозерская в большинстве случаев

сохраняет авторские стилистические приемы, тем самым сохраняя уникальный стиль автора.

2.3 Исследование переводческих трансформаций используемых при переводе романа Ч. Кингсли «Ипатия»

Перейдем к рассмотрению особенностей переводческих трансформаций, осуществляемых при переводе художественной литературы.

Материалом исследования послужили: роман на английском языке «Hypatia – or New Foes with an Old Face» by Charles Kingsley (368 страниц, 567 000 печатных знаков) и его русский перевод «Ипатия» (352 страницы, 485 283 печатных знака), представленный в 1893 году Надеждой Александровной Белозерской (урожденной Ген; 29 марта 1838, поместье Софиевка, Новгородская губерния. – 25 февраля 1912) – русской переводчицей, педагогом, историком, литератором, журналистом.

Как уже отмечалось раньше, переводческие трансформации на практике в чистом виде встречаются редко – обычно они, как будет видно из приведённых ниже примеров, сочетаются друг с другом. При переводе романа «Ипатия» переводчица Н.А. Белозерская использует различные трансформации в комплексе. То есть замена сопровождается конкретизацией; генерализация сочетается с модуляцией. В процессе работы с текстом нами было обнаружено 1070 приема переводческих трансформаций. Согласно нашему исследованию самыми частотными из них были: грамматические замены, модуляции и конкретизации.

Рассмотрим каждую переводческую трансформацию по частотности употребления в исследуемом тексте.

При переводе романа «Ипатия», *грамматические замены*, являются самыми частотными преобразованиями.

В данном примере мы видим грамматическую замену части речи. Причастие *tempted* заменено существительным *искушения*: «Then I recollected having

heard it read aloud, *how Satan tempted Anthony in the shape of a beautiful woman*» [57, гл.1].

«Позже я вспомнил, *что искушения приходили к святому подвижнику в образе прекрасной женщины*» [56, гл.1].

В следующем примере присутствует грамматическая замена членов части речи в предложении. Словосочетание *dressed in perfect keeping* было переведено, как *ее одеяние состояло*, что не меняет суть высказывания, причастие *dressed*, заменено существительным *одеяние*: «The tutelary goddess of that little shrine, *dressed in perfect keeping* with the archaism of the chamber» [57, гл.2].

«Ее *одеяние*, вполне соответствовавшее характеру комнаты, состояло из простого белоснежного платья старинного фасона» [56, гл.2].

В следующем примере существительное *heathen* грамматически заменено на прилагательное *языческими*: «So, enabled by his gold coin each month to devote himself entirely to study, he became very much what Peter would have coarsely termed a *heathen*» [57, гл.14].

«Но, ежемесячно получая таинственный золотой, юноша имел возможность всецело предаваться научным занятиям и очень скоро усвоил такие принципы, которые Петр назвал бы *языческими*» [56, гл.14].

В другом примере мы видим грамматическую замену числа существительного. Существительное множественного числа *churches* заменено существительным единственного числа «церковь». Так же в этом предложении, существительные *discovery* и *recapture*, заменены на причастия, соответственно, *узнанный* и *схваченный*: «At first, indeed, he slipped into the Christian churches, from a habit of conscience. But habits soon grow sleepy; the fear of *discovery* and *recapture* made his attendance more and more of a labour» [57, гл.14].

«Вначале по детской привычке юноша тайком посещал христианскую *церковь*, но таковая скоро исчезла, тем более, что Филимон боялся быть *узнанным и схваченным*» [56, гл.14].

В следующем примере глагол *tell* заменен на причастие «рассказывающим». Так же здесь мы видим грамматическую замену типа предложения, где восклицательное предложение в английском языке, трансформированно переводчиком на повествовательное: «As soon believe the Christian scriptures, when they *tell* us of a deity who has hands and feet, eyes and ears, who condescends to command the patterns of furniture and culinary utensils, and is made perfect by being born—disgusting thought!—as the son of a village maiden, and defiling himself with the wants and sorrows of the lowest slaves!» [57, гл.8]

«Если рассуждать так, то почему не поверить книгам христиан, *рассказывающим* о Божестве с руками и ногами, глазами и ушами, о Божестве, которое достигло совершенства, воплотившись в сына крестьянской девушки и осквернив себя потребностями, свойственными самым низким рабам...» [56, гл.8]

В данном примере, методом грамматической замены, существительное *the rainbow* заменено на глагол *сиять*, таким же методом, местоимение *his*, заменено на имя собственное *Христос*. Здесь же мы отмечаем замену типа предложения, восклицательное предложение заменено на повествовательное: «And over *His* head was written in *the rainbow*, 'I am the same, yesterday, to-day, and for ever!» [57, гл.29]

«Над головой *Христа* сияли слова: «Я всегда один и тот же - и ныне, и присно, и во веки веков» [56, гл.29].

В следующем примере прилагательное *famous*, заменено методом грамматической замены на глагол *прославился*: «..the abbot's place was filled, by his own dying command, by a hermit from the neighbouring deserts, who had made himself *famous* for many miles round» [57, гл.30].

«Согласно последней воле игумена, его место занял отшельник из соседней пустыни, который *прославился* на много миль в окрестности» [56, гл.30].

В следующем примере вы видим грамматическую замену типа предложения, вопросительное предложение меняется на повествовательное: «The same as He was in Judea of old, Philammon?» [57, гл.29]

«Это был тот самый, кто жил в древней Иудее» [56, гл.29].

При использовании метода *модуляции* причинно-следственные отношения часто имеют более широкий характер, но логическая связь между двумя наименованиями всегда сохраняется. При переводе романа «Ипатия» этот прием используется очень часто, что связано с особенностями перевода художественной литературы.

В данном примере Ипатия гневно ответила Филимону на его дерзкое высказывание, на ее лекции. В переводе используется прием модуляции, то есть, *and knows no better*, соответственно, *он невежа и его ничему не учили*. Здесь же мы видим замену типа предложения, повествовательное предложение заменено на восклицательное, что усиливает эмоциональность высказывания: «*He is a monk, and knows no better*» [57, гл.9].

«Он монах и невежда! Его ничему не учили!» [56, гл.9]

В следующем примереме наблюдаем причинно-следственную связь. Существительное *corridor* заменено, методом модуляции на существительное *келья*. Часовой проходил по коридору, соответственно мимо его кельи: «*And in utter bewilderment and hopeless terror he implored the pity of every guard and gaoler who passed along the corridor, and conjured them, as brothers, fathers, men, to help him*» [57, гл.22].

«В мучительном смятении и безнадежной тоске молил он каждого караульного и часового, проходившего мимо его *кельи*, и заклинал их, как братьев, как отцов, как людей, помочь ему» [56, гл.22].

В следующем примере словосочетание *to hear such a thing asserted of him* методом модуляции преобразовано в словосочетание, *если бы кто-то стал высказывать такое мнение*. То есть, если бы кто-то стал высказывать такое мнение, он его услышал бы. Здесь присутствует причинно-следственная связь: «*He did not disbelieve it; he would have been shocked to hear such a thing asserted of him*» [57, гл.14].

«Филимон не отрекся от нее, не стал безбожником и искренно возмутился бы, *если бы кто-то стал высказывать такое мнение*» [56, гл.14].

В данном примере словосочетание *so he went no more to church*, заменено на словосочетание «лишенный общения с верующими», то есть по причине того, что он не ходил в церковь, он лишился общения с верующими: «*So he went no more to church and looked the other way, he hardly knew why, whenever he passed the Caesareum*» [57, гл.14].

«*Лишенный общения с верующими, юноша все более и более удалялся от них и в нравственном отношении*» [56, гл.14].

Еще один пример модуляции, словосочетание *and looked the other way* трансформировано в словосочетание *юноша все более и более удалялся от них и в нравственном отношении*, то есть по причине, что юноша смотрел в другую сторону, жил другой жизнью, он удалялся от христиан и в нравственном отношении: «*So he went no more to church, and looked the other way he hardly knew why, whenever he passed the Caesareum*» [57, гл.14].

«*Лишенный общения с верующими, юноша все более и более удалялся от них и в нравственном отношении*» [56, гл.14].

В следующем примере мы так же видим пример модуляции, глагол *he could not* имеющий широкое значение, заменен на поясняющее словосочетание «был не в силах», то есть он не молился, потому что был не в силах. Здесь же видим грамматическую замену типа предложения и членение предложений: «*Pray he could not, and dare not; for to whom was he to pray?*» [57, гл.22]
«*Молиться он был не в силах. Он не решался молиться, не знал даже, к кому обращаться*» [56, гл.22].

При переводческом приеме *конкретизации* происходит замена слова или словосочетания иностранного языка с более широким предметно-логическим значением на слово в переводе с более узким значением.

В следующем примере глагол *murdered* заменен методом конкретизации на глагол с более узким значением *зарезать*: «*Ay! murder me as the Romans murdered Saint Telemachus!*» [57, гл.22]

«*Да, убейте меня, зарежьте, как зарезали римляне святого Телемака*» [56, гл.22].

В другом примере методом конкретизации, существительное *prison* заменено на более подходящее по смыслу и более узкое по значению существительное *окно*: «He tore at the bars of *his prison* he rolled himself, shrieking, on the floor» [57, гл.22]

«Он тряс решетку *окна* и с воплями отчаяния бросался на пол» [57, гл.22]

В данном примере мы видим пример конкретизации в описании внешности Августина, когда существительное с широким значением «*manner*» (пер. англ. манеры) заменено на словосочетание с более узким значением *благородная осанка* и существительное *language* на словосочетание *красота речи*: «He seemed to start lamely enough, in spite of the exquisite grace of his voice, and *manner, and language, and the epigrammatic terseness of every sentence*» [57, гл.21].

«Начало проповеди казалось Рафаэлю неудачным, несмотря на обаятельный голос, *благородную осанку и красоту речи* Августина, поражавшей изяществом выражений» [56, гл.21].

В следующем примере существительное *outrage*, переведено методом конкретизации на существительное с более узким значением *убийство*: «There was to be no outrage, and no *outrage* there was» [57, гл.6].

«Убийство было запрещено, и ни одного *насилия* не совершилось» [56, гл.6].

В исследуемом романе Ч. Кингсли прием *генерализации* применяется довольно часто. Это связано с особенностями английского словаря, где лексемы чаще имеют более абстрактный характер, чем русские слова, относящиеся к тому же понятию.

В данном примере при описании комнаты, где живет Ипатия, переводчик использует прием генерализации. Словосочетание с более узким значением *every panel of the walls* заменено на словосочетание с более широким значением *простенки комнаты*: «But the glorious grace and beauty of every line of face and figure would have excused, even hidden those defects, and we should have only recognised the marked resemblance to the ideal portraits of Athene which adorned *every panel of the walls*» [57, гл.2].

«Но чарующая прелесть и красота каждой линии лица и фигуры не только смягчали, но и полностью искупали эти недостатки. Бросалось в глаза поразительное сходство с изображениями Афины, украшавшими *простенки комнаты*» [56, гл.2].

В следующем примере, в результате генерализации, заменено словосочетание *a few yards down the stream* – на словосочетание «несколько поодаль», что является более обобщенным, но переводчик сочла не существенным точное расстояние, так как читателю должно быть понятно, что животное находилось недалеко от барки. Так же существительное *hippopotamus* заменено, тем же методом, на существительное *животное*, что имеет более широкое значение: «..the head of which was fixed in the huge purple sides of a hippopotamus who foamed and wallowed *a few yards down the stream*» [57, гл.3].

«*Животное билось несколько поодаль от барки, разбрасывая пену и брызги*» [56, гл.3].

В другом примере словосочетание *profession of portering*, методом генерализации, заменено на существительное *должность*, имеющим более широкое значение: «..for if all men turned monks, nobody would be idle and *the profession of portering* would be annihilated» [57, гл.5].

«..если бы все мужчины стали монахами и *моя должность* упразднилась бы сама собой» [56, гл.5].

В данном примере существительное *boys* заменено методом генерализации на существительное с более широким значением *ребенок*. В этом примере генерализация совмещена с грамматической заменой числа существительного: «..disporting myself on the firm floor of the primeval nothing, and finding my new element, like *boys* when they begin to swim, not so impracticable after all» [57, гл.13].

«Теперь я стою на твердой почве первичного ничто и, как *ребенок*, начинающий плавать, учусь побеждать новую стихию, которую считал непреодолимой» [56, гл.3].

Одним из ярких примеров грамматических трансформаций является *членение предложений*. В романе «Ипатия» это является частым приемом, так как произведение насыщено структурно-сложными предложениями не характерных для русского языка.

В данном примере одно большое сложное предложение с подчинительной и сочинительной связью разделяется на два сложносочиненных предложения, что позволяет выделить отрывок предложения *out of a rotten, infernal, dying world of tyrants and slaves, hypocrites and wantons* в отдельное сложносочиненное предложение, не нагромождая при этом основную часть сложноподчиненной связью. Благодаря этому сохраняется более естественная для русского языка последовательность описания событий: «Thither they had fled out of cities, compared with which Paris is earnest and Gomorrha chaste, – out of a rotten, infernal, dying world of tyrants and slaves, hypocrites and wantons, – to ponder undisturbed on duty and on judgment, on death and eternity, heaven and hell; to find a common creed, a common interest, a common hope, common duties, pleasures, and sorrows» [57, гл.1].

«Здесь скрывались люди из древних городов, в сравнении с которыми Париж показался бы степенным, а Гоморра – целомудренной. Они бежали от тлетворного, адски испорченного умирающего мира тиранов и рабов, лицемеров и распутниц, чтобы на досуге безмятежно размышлять о долге и возмездии, о смерти и вечности, о рае и аде, чтобы обрести общую веру, разделить общие обязанности, радости и горести» [56, гл.1].

В следующем примере предложение на языке оригинала имеет сложную и нагроможденную конструкцию, что в переводе может вызвать затруднение понимания текста читателем. В связи с этим предложение было разделено на четыре части: «For in the light arm-chair, reading a manuscript which lay on the table, sat a woman, of some five-and-twenty years, evidently the tutelary goddess of that little shrine, dressed in perfect keeping with the archaism of the chamber, in simple old snow-white Ionic robe, falling to the feet and reaching to the throat, and of that peculiarly severe and graceful fashion in which the upper part of the dress

falls downward again from the neck to the waist in a sort of cape, entirely hiding the outline of the bust, while it leaves the arms and the point of the shoulders bare» [57, гл.2].

«В кресле сидела молодая женщина лет двадцати пяти, погруженная в чтение лежавшей на столе рукописи. Именно она и была богиней-покровительницей этого маленького храма. Ее одеяние, вполне соответствовавшее характеру комнаты, состояло из простого белоснежного платья старинного фасона. Длинное, строгое и изящное, оно ниспадало до самого пола, собиралось у шеи, совершенно скрывая очертания бюста и обнажая лишь руки и немного плечи» [56, гл.2].

В данном примере, мы видим дробление одного английского предложения на три русских предложения. Предложение на языке оригинала имеет сложную и нагроможденную конструкцию, что в переводе может вызвать затруднение понимания текста читателем: «In the bows stood a man of gigantic stature, brandishing a harpoon in his right hand, and in his left holding the line of a second, the head of which was fixed in the huge purple sides of a hippopotamus, who foamed and wallowed a few yards down the stream» [57, гл.3].

«На носу стоял человек исполинского роста. В правой руке он держал наготове гарпун, а в левой - веревку от другого гарпуна, вонзившегося в громадный окровавленный бок гиппопотама. Животное билось несколько поодаль от барки, разбрасывая пену и брызги» [56, гл.3].

Формальные лексические трансформации включают в себя *транскрипцию* и *транслитерацию*. Ведущим способом в современной переводческой практике является транскрипция с сохранением некоторых элементов транслитерации [11, с.73].

Безэквивалентная лексика русского и английского языков из области античной мифологии даёт богатый материал для изучения закономерностей способов передачи имён собственных, а именно мифонимов. Входя в состав обширной группы «языковых реалий», данная группа безэквивалентной лексики представляет собой часть словаря общекультурной лексики для всех

языков, носители которых обладают соответствующими культурными знаниями. Это во многом объясняется феноменом «всеобщего знания», данные имена составляют особую категорию универсальных единиц межкультурной коммуникации [11, с.80].

Следует отметить, что существует ряд несоответствий на уровне графической передачи (транслитерации) имён собственных (мифонимов) с английского языка на русский язык. В основе этих несоответствий лежит ряд субъективных причин, связанных с индивидуальной эрудицией переводчика данного текста на английский язык, его способностью справиться с зависимостью от русской произносительной и графической нормы.

В целом, безэквивалентная лексика в области античной мифологии, переводится на иностранные языки в большинстве случаев с сохранением референциального значения оригиналов при частичной потере или изменении прагматического и внутрилингвистического значений [40, с.45].

В результате проведенного исследования выяснилось, что переводчик чаще всего прибегал к транскрипции и транслитерации при переводе имен собственных.

Особенности употребления мифонимов связаны с тем, что древнегреческие и древнеримские оригиналы этих имён были заимствованы и английским и русским языками и вошли в состав этих языков как иностранные слова, передаваемые способом транслитерации с возможным сохранением фонетического облика оригинала [40, с.47]. В романе «Ипатия» эта тенденция проявляется особенно ярко в отношении античных и других историко-мифологических имён, чтение которых, в западноевропейских языках, почти стопроцентно следует правилам принимающего языка, приведем примеры: Aphrodite – Афродита, Jason – Ясон, Athene Polias – Афина Паллада, Zeus – Зевс, Homer – Гомер, Hera – Гера, Ariadne – Ариадна, Ares – Арес, Prometheus – Прометей, Heracles – Геракл, Hellas – Эллада, Poseidon – Посейдон, Andromeda – Андромеда, Perseus – Персей [56, 57].

Английский и русский языки, как и большинство языков стран Европы, имеют общую историко-культурную основу. Фонд имён собственных в обоих языках складывался под значительным влиянием христианской религии и её письменных источников, прежде всего Библии. С XIX века осуществлялись переводы Библии на современный русский язык, но имена собственные в них были практически в неизменном виде заимствованы из канонического церковнославянского текста, которым Русская православная церковь пользуется и до сих пор [9, с.43]. При передаче с английского языка на русский язык имён библейских и раннехристианских святых и деятелей церкви, и разные переводчики решают её по-разному. Переводчик в романе «Ипатия» прибегает к методу регулярных соответствий, то есть использовать варианты имён, восходящие к именам-прототипам (библейским, латинским или греческим). При переводе текстов, так или иначе связанных с древними, в том числе библейскими именами, недопустимо искажать сложившуюся традицию. Поэтому переводчику обязательно следует иметь тексты Священного Писания на тех языках, с которыми он работает, и передавать такие имена в точности по ним, то есть пользоваться методом регулярных соответствий [11, с.52].

На протяжении веков библейские имена подвергались модификациям и ещё больше изменялись в речевой практике языковых коллективов. Так образовались разноязычные дублеты, подчас мало похожие друг на друга, например: Nebuchadnezzar – Навуходносор, Shem – Сим, Abcdncgo – Авдснаго, Nabakkuk – Аввакум, Elijah – Илия, Bathsheba – Вирсавия, Tertullian – Тертуллиан, Origen – Ориген, Clement – Клемент, Cyprian – Киприан, Jesse – Иессей, Solomon – Соломон, Jonathan – Ионафан, Ruth – Руфь, Rachel – Рахиль, Joshua – Иисус Навин, Joseph – Иосиф, Christ – Христос, David – Давид, Moses – Моисей, Joshua – Иисус, Eve – Ева, Adam – Адам, St. John – Святой Иоанн, Mary Magdalene – Мария Магдалена, David – Давид, Telemachus – Телемак и др. [57,56]

Когда дело касается широко распространенных названий (больших городов, рек, известных исторических личностей) или употребительных имен, переводчик руководствуется традицией – независимо от возможности ближе подойти к подлинному звучанию, используя регулярные соответствия: Rome – Рим, Athens – Афины, Constantinople – Константинополь, Alexandria – Александрия, Macedonia – Македония, Egypt – Египет, Africa – Африка, Byzantium – Византия, Nitria – Нитрия, Paris – Париж, Gomorra – Гоморра, Judea – Иудея, Arabia – Арабия, Jewish – еврейский, Greek – греческий, Roman – римский и др. [57,56]

Перевод реалий с помощью метода транскрипции: Papyrus – папирус, The Emperor of Byzantium – Император Византии, eunuchs – евнух, tyrants – тираны, harpoon – гарпун, canoe – каноэ, colleges – коллегии, museums – музей, drama – драма, philosopher – философ, asceticism – аскетизм, astronomicals – астрономия, demonstration – демонстрация, axiom – аксиома, Christianity – христианство, catholic – католический, civilisation – цивилизация и др. [57,56]

Примеры транскрипции при переводе имен собственных: Cyril – Кирилл, Napatia – Ипатия, Peter – Петр, Raphael Aben-Ezra – Рафаэль Эбен-Эзра, Philammon – Филимон, Aufugus – Арсений, Anthony – Антоний, Socrates – Сократ, Augustine – Августин, Pelagia – Пелагея, Euclid – Евклид, Theocritus – Теокрыт, Callimachus – Каллимах, Lycophron – Ликофрон, Pythagoras – Пифагор, Alcibiades – Алкивиад, Julian – Юлий, Porphyry – Порфирий, Caesars – Цезарь, Orestes – Орест, Pambo – Памва, Diogenes – Диоген, Aeschylus – Эсхил, Sophocles – Софокл, Euripides – Еврипид, Synésios de Cyrene – Синезий Киренский, Pyrrhonic – Плотин, Lucretius – Лукреций, Hesiod – Гесиод, Theophilus – Теофил, Judith – Юдифь, Telemachus – Телемак и др. [57,56]

Имя главной героини романа Ипатии (Napatia), переведено методом транскрипции, согласно византийской традиции. В русском варианте перевода, это имя может быть переведено методом транслитерации, как

«Гипатия». Так как это женское имя не зафиксировано в словаре регулярных соответствий, то способ передачи остается на усмотрение переводчика.

При транслитерации в ещё большей степени, чем при прямом переносе, заимствующий язык навязывает имени произношение по собственным правилам. Проблема заключается в особенностях передачи данного вида лексики на английский и русский языки. В обоих языках существует определённая, закреплённая в словаре традиция перевода данных имён собственных [39, с.211].

Данные исследования предлагают нам сделать вывод о том, что перевод имён собственных с английского языка на русский язык допускает различные варианты передачи одного и того же имени собственного разными графическими средствами. Причина существования различных вариантов перевода заключается в том, что данные имена собственные не относятся к категории часто употребляемых в речи, и автор каждого перевода не соотносит их с общепринятой нормой, как это происходит в случае имён мифологического происхождения.

Далее мы рассмотрим один из видов лексико-грамматических трансформаций – *антонимический перевод*.

В данном примере словосочетание *an hour's work* переведено с помощью приема антонимии *не один час*: «...which must have cost some hapless slave-girl *an hour's work*, and perhaps more than one scolding, that very morning» [57, гл.7].

«Вероятно, в это утро какая-то несчастная рабыня *потрудилась не один час* над возведением этой башни, не получив в награду ничего, кроме выговоров» [56, гл.7].

В следующем примере монах Филимон рассказывает о том, что он видел на стенах языческих храмов, и предполагает, что это были образы женщин, где словосочетание *they might be* заменено методом антонимического перевода *не они ли*: «And so.... and so.... those figures on the wall were very like.... and I thought *they might be*» [57, гл.1].

«И вот... те изображения на стенах были похожи на них. Я подумал... *не они ли*» [56, гл.1].

В данном примере глагол *descried*, в русском переводе трансформирован в деепричастие *не замечая* противоположное понятие, с сохранением основного смысла. Здесь мы видим совмещение антонимического перевода с грамматической заменой: «Philammon's curiosity had tempted him to drift down almost abreast of the barge ere *he descried* some dozen pairs of languishing black eyes» [57, гл.2].

«Любопытство овладело Филимоном. Он подплыл почти к самой барке, *не замечая*, что за ним следят томные черные глаза нескольких существ» [56, гл.2].

В данном примере, мы так же видим преобразование, методом антонимического перевода. Прилагательное *lamely enough* заменено на прилагательное *неудачный*: «He seemed to start *lamely enough* [57, гл.21].

«Начало проповеди казалось Рафаэлю *неудачным*» [56, гл.21].

В следующем примере глагол *not make* преобразован в глагол «делала», при этом основной смысл предложения сохранен. Здесь же мы видим грамматическую замену типа предложения, вопросительное предложение заменено на восклицательное: «*What might she not make Africa?*» [57, гл.3]

«*Что бы она сделала из Африки!*» [56, гл.3]

В другом примере словосочетание *would have excused* заменено приемом антонимии на словосочетание *не только смягчали*: «But the glorious grace and beauty of every line of face and figure *would have excused*, even hidden those defects» [57, гл.2].

«Но чарующая прелесть и красота каждой линии лица и фигуры *не только смягчали*, но и полностью искупали эти недостатки» [56, гл.2].

В следующем примере, словосочетание *whether from modesty or terror*, заменено методом антонимического перевода, на словосочетание *не то из скромности, не то из отвращения*: «...for the negress at his lodgings seemed to avoid him—*whether from modesty or terror*, he could not tell» [57, гл.14].

«Даже добрая жена носильщика стала избегать его, *не то из скромности, не то из отвращения* к вероотступнику» [56, гл.14].

Сущность приема *калькирования* заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в переводящем языке, копирующего структуру исходной лексической единицы.

В данных примерах мы видим перевод реалий при помощи приема калькирования: *The sparkling Mediterranean* – сверкающее Средиземное море; *spiritual father* – духовный отец; *chapel furniture* – церковная утварь; *Almighty God* – Всемогуший Бог; *mighty organization* – могучая организация и др. [57,56]

Переводческий комментарий, особый вид экспликации (описательного перевода), обычно приводимый в виде сносок или замечаний, представляет дополнительную информацию, которую невозможно интегрировать в общий текст перевода [14, с.31]. В романе «Ипатия» переводчик использует этот прием очень часто, что является особенностью этого перевода. Переводческим комментарием снабжены исторические, библейские и мифологические персонажи, особо значимые исторические события, а так же реалии описываемого времени. Переводчик помещает комментарий в структуру текста, выделяет квадратными скобками и курсивным шрифтом.

В данном примере, переводчик приводит в комментарии краткое жизнеописание Блаженного Антония, что в полной мере раскрывает смысл слов монаха Филимона: «...so I asked him why he turned away; and he said that those were the same sort of devils which tempted the blessed St. Anthony» [57, гл.1].

«Я спросил, почему он отворачивается, и он мне сказал, что это дьяволы, которые искушали *блаженного Антония* [*Антоний (251-356 гг. н. э.), прозванный Великим, родился в Египте. Раздав имущество, удалился в пустыню, где вокруг него собиралось много последователей. Основатель монашества отшельнического культа*] [56, гл.1].

В следующем примере, переводчик приводит в комментарии, описание древнегреческой богини Афины, которая являлась покровительницей Ипатии: «..hair the colour and gloss of which were hardly distinguishable from that of the metal itself, such as Athene herself might heaven vied for tint, and mass, and ripple» [57, гл.2].

«Цвет и блеск ее волос отливали чистым золотом и сама Афина [*В греческой мифологии - одна из наиболее почитаемых богинь Греции. Дочь Зевса, дева, богиня мудрости, разума, науки и разумной войны. Покровительница Афин. В Риме - Минерва.*] могла бы позавидовать не только оттенку, длине и густоте, но и прихотливым завиткам ее локонов» [56, гл.2].

В другом примере переводчик приводит подробное описание древнегреческих богов: Диониса, Зевса, Афины, Гефеста, Геры, Артемиды, бога войны Ареса, героини греческих легенд Ариадны – это необходимо, для полного понимания смысла высказывания: «What were *Dionusos* without his *Ariadne*, *Ares* without *Aphrodite*, *Zeus* without *Hera*?» [57, гл.4].

«Чем был бы Дионис [*Дионис (Вакх, римский Бахус). По греческому мифу - сын Зевса, Бог вина и веселья, виноградной лозы и всего произрастающего, распространитель культуры. Один из воскресающих и умирающих богов древности. Празднества в честь Диониса, которые возникли первоначально среди землевладельческого населения, смотревшего на Диониса, как на своего Бога-покровителя, впоследствии приняли характер исступленных оргий и были очень популярны в Греции и Риме эпохи упадка.*] без Ариадны [*По греческой легенде - дочь критского царя Миноса. Дала герою Тезею клубок ниток, при помощи которого Тезей после убийства чудовища Минотавра выбрался из лабиринта (отсюда выражение "нить Ариадны", - главная мысль, помогающая разрешить тот или иной трудный вопрос).*], Арес [*Бог войны в греческой мифологии.*] без Афродиты, Зевс [*Зевс (греч. мифология). Главный Бог греческой религии, царь всей природы - неба, бури, грозы, отец богов и людей, тождественен с римским Юпитером. Покровитель рода и семьи. Культ Зевса возник в родовой (доисторический) период Греции.*] без

Геры [*Гера (греч. мифология). Римская Юнона. В греческой мифологии - старшая сестра и жена Зевса; богиня неба и покровительница брака.*]? [56, гл.4].

В другом примере переводчик приводит нам жизнеописание и говорит о личности философа Платона, последовательницей которого является Ипатия: «And she clapped her hands again for the maid-servant, gave her the letter silently, shut the doors of her chamber, and tried to resume her Commentary on Plotinus» [57, гл.4].

«Она позвала служанку и молча передала ей письмо, заперла дверь комнаты и, попробовала снова приняться за комментарии к Платону [*Знаменитый греческий философ. Родился между 430 и 427 г. до н. э. в Афинах, в аристократической семье. В двадцать лет поступил в ученики к Сократу, а после смерти последнего предпринял долгие странствия по южной Италии и Востоку. После возвращения в Афины П. основал собственную философскую школу. Философская система П. была первой разработанной системой идеалистической философии и оказала огромное влияние не только на мыслителей Древнего мира (в частности и на Ипатию), но и на умозрительное построение средних веков и новой эпохи. В конце II и III веке н. э. философия Платона подверглась дальнейшей переработке в трудах так называемых "неоплатоников". Именно эта ее разновидность и пользовалась наибольшим влиянием в описываемую в романе эпоху*] [56, гл.4].

В данном примере при описании рисунков на одежде знатной римлянки переводчик так же дает нам комментарий о библейском праведнике Иове: «..while down her back hung, upon a bright blue shawl, edged with embroidered crosses, Job sitting, potsherd in hand, surrounded by his three friends» [57, гл.7].

«Белая шелковая туника женщины была испещрена всевозможными рисунками: на ней были вышиты и притча о Лазаре, и ряд крестов, и *Иов* [*По библейской легенде Иов - праведник, мужественно перенесший ниспосланные ему бедствия. В довершение всего он заболел проказой и, удалившись в*

безлюдное место, поселился на мусорной куче. За свое долготерпение был вознагражден Богом.] с его тремя друзьями» [56, гл.7].

В следующем примере мы видим краткое жизнеописание раннехристианского святого Киприана: «And yet there was a melancholy about his tone as he answered to the youth's appeal – *Tertullian, Origen, Clement, Cyprian*—all these moved in the world; all these and many more beside, whose names we honour, whose prayers we invoke, were learned in the wisdom of the heathen?» [57, гл.1]

«Но в звуке его голоса сквозила грусть, когда он отвечал на мольбы молодого инока. - Тертуллиан, Ориген, Климент, Киприан [*Киприан Фасций Цецилий. Широко образованный человек, родился в Карфагене. Вначале язычник, в 246 году крестился, стал священником, в 248 году был избран епископом Карфагена. Известен своими богословскими сочинениями и посланиями (послание Донату). При гонении на христиан при императоре Деции удалился в пустыню. В 258 году по приказанию императора был обезглавлен. Причислен церковью к лику святых]* - жили в миру, а кроме них еще многие другие, имена которых мы почитаем, испрашивая их заступничества» [56, гл.1].

Переводческий прием, *объединение предложений*, редко использует переводчица в работе над переводом романа «Ипатия», как было сказано выше, характерная особенность романа это – структурно-сложные предложения.

В данном примере при переводе два простых предложения были преобразованы в одно сложное, в котором обе части дополняют и уточняют друг друга. Так же благодаря объединению удалось избежать повторов сходных конструкций и чрезмерной прерывистости повествования: «But his faith in Christianity? What had become of that?» [57, гл.14]

«Но что случилось с его христианскими убеждениями, с его верой?» [56, гл.14]

В следующем примере произведено объединение предложений, два английских предложения, образовали одно русское, и объединены введенным местоимением «я», перевод выстроен стилистически верно и предложение не выглядит нагроможденным: «Here am I, at last!' said Raphael Aben-Ezra to himself. Fairly and safely landed at the very bottom of the bottomless» [57, гл.13].

«Наконец-то, - рассуждал вслух Рафаэль Эбен-Эзра, - я благополучно достиг самого дна бездны» [56, гл.13].

В следующем примере также произведено объединение предложений, из двух английских предложений, получаем одно русское предложение, объединенное союзом «но»: «At first, indeed, he slipped into the Christian churches, from a habit of conscience. But habits soon grow sleepy; the fear of discovery and recapture made his attendance more and more of a labour» [57, гл.14].

«Вначале по детской привычке юноша тайком посещал христианскую церковь, но таковая скоро исчезла, тем более что Филимон боялся быть узнанным и схваченным» [56, гл.14].

В следующем примере мы так же видим объединение двух английских предложений в одно русское: «We will take care that all Alexandria knows it before sundown. Heraclian has conquered» [57, гл.20].

«Я позабочусь, чтобы вся Александрия узнала о них сегодня же до заката солнца: Гераклиан победил» [56, гл.20].

При переводе романа «Ипатия» переводчик использует прием синтаксического уподобления (дословный перевод) крайне редко, что является особенностью перевода художественной литературы.

В данном примере дословный перевод обусловлен практически полным соответствием конструкций языка оригинала и языка перевода: «The barbarians shouted with delight» [57, гл.3].

«Варвары кричали от восторга» [56, гл.3].

В следующем примере, при переводе эти предложения оригинала полностью сохранили свою синтаксическую структуру в переводе на русский язык: «It must be so. If there were gods, to know them was the highest bliss of man» [57, гл.25].

«Вероятно, так оно и было. Но если боги существуют, то познание их - наивысшее блаженство для людей» [56, гл.25].

При *описательном переводе* лексическая единица языка оригинала заменяется словосочетанием, объясняющим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на языке перевода.

В данном примере, переводчик использует описательный способ перевода, заменяя лексическую единицу *the negress* на словосочетание «добрая жена носильщика», объясняя ее значение: «for *the negress* at his lodgings seemed to avoid him – whether from modesty or terror, he could not tell» [57, гл.14].

«Даже *добрая жена носильщика* стала избегать его, не то из скромности, не то из отвращения к вероотступнику» [56, гл.14].

В следующем примере переводчик использует метод описательного перевода, заменяя глагол *to start*, на словосочетание «начало проповеди»: «He *seemed to start* lamely enough, in spite of the exquisite grace of his voice, and manner, and language, and the epigrammatic terseness of every sentence» [57, гл.21].

«*Начало проповеди* казалось Рафаэлю неудачным, несмотря на обаятельный голос, благородную осанку и красоту речи Августина, поражавшей изяществом выражений» [56, гл.21].

В данном примере переводчик использует тот же метод, дополняя словосочетание *of languishing black eyes* пояснением «томные черные глаза нескольких существ»: «Philammon's curiosity had tempted him to drift down almost abreast of the barge ere he descried some dozen pairs of *languishing black eyes*» [57, гл.2].

«Любопытство овладело Филимоном. Он подплыл почти к самой барке, не замечая, что за ним следят *томные черные глаза нескольких существ*» [56, гл.2].

В другом примере переводчик заменяет имя собственное *Anthony*, методом описательного перевода, словосочетанием «святой подвижник»: «Then I recollected having heard it read aloud, how Satan tempted *Anthony* in the shape of a beautiful woman» [57, гл.1].

«Позже я вспомнил, что искушения приходили к *святому подвижнику* в образе прекрасной женщины» [56, гл.1].

Компенсацией (или компенсацией потерь) в переводе следует считать замену непередаваемого элемента подлинника элементом иного порядка в соответствии с общим идейно-художественным характером подлинника и там, где это предоставляется удобным по условиям русского языка. В романе «Ипатия» этот прием используется переводчиком очень редко.

В данном примере автор использует зоометафору *the serpents* для описания женщин. В русском переводе переводчик не сохраняет этот прием, но компенсирует его словосочетанием «коварные обольстительницы», что по нашему мнению, и имел в виду автор, вводя в описание женщин эту метафору: «*The serpents!*—chattering and smiling, with pretty little shrieks and shaking of glossy curls and gold necklaces, and fluttering of muslin dresses, within a dozen yards of him!» [57, гл.3]

«Это были женщины... *Коварные обольстительницы* весело болтали, встряхивали блестящими локонами в золотых сетках и улыбались» [56, гл.3].

В практической части нашей работы было проанализировано и подсчитано количество стилистических и лексических средств выразительности и выявлены наиболее часто употребляемые переводческие трансформации и определены их функции в тексте.

Методом сплошной выборки в исследуемом тексте романа «Ипатия» было обнаружено 1280 лексических и стилистических приёмов (таблица 1).

Количественные данные частоты и специфики применения
стилистических приемов в романе «Ипатия»

Таблица 1

№ п/п	Наименование стилистического приема	Количество стилистических приемов	%
1	2	3	4
1	Эпитет	270	21
2	Метафора	220	17,2
3	Аллюзия	140	11
4	Сравнение	120	9,4
5	Ирония	112	8,7
6	Гипербола	95	7,4
7	Фразеологизм	93	7,2
8	Олицетворение	80	6,3
9	Метонимия	70	5,4
10	Перифраз	67	5,3
11	Антономазия	13	1,1
12	ИТОГО	1280	100

Количественный анализ лексических средств выразительности и стилистических приемов (таблица 1) в романе показал преобладание эпитетов (21%), метафор (17,2%) и аллюзий (11%).

При переводе романа «Ипатия», переводчица Белозерская Н. А. применяет целый комплекс переводческих трансформаций. Согласно проведенному исследованию самыми частотными являются лексические и грамматические приемы перевода.

Методом сплошной выборки было отобрано 1070 примеров переводческих трансформаций и рассмотрена частотность их использования (таблица 2).

Количественные данные частоты и специфики применения переводческих трансформаций при переводе романа «Ипатия»

Таблица 2

№ п/п	Наименование переводческой трансформации	Количество переводческих трансформаций	%
1	2	3	4
1. Лексические			
1	Модуляция	128	11,9
2	Конкретизация	124	11,6
3	Транскрипция	90	8,4
4	Генерализация	76	7,1
5	Транслитерация	72	6,7
7	Калькирование	67	6,2
2. Грамматические			
8	Грамматическая замена	210	19,6
9	Членение предложений	82	7,7
10	Объединение предложений	32	3
11	Дословный перевод	19	1,8
3. Лексико-грамматические			
12	Переводческий комментарий	88	8,2
13	Антонимический перевод	60	5,6
14	Описательный перевод	21	1,3
15	Прием компенсации	1	0,9
16	ИТОГО	1070	100

Как видно из результатов исследования (таблица 2) при переводе романа применяется целый комплекс переводческих трансформаций. Самыми частотными способами перевода, согласно нашему исследованию, являются – грамматические замены (19,6%), модуляции (11,9%), конкретизации (11,6%). Эти приемы часто используются при переводе художественной литературы.

К особенностям применения грамматических трансформаций можно отнести членение предложений (7,7%). Роман построен из длинных структурно-сложных предложений, не характерных для русского языка. В процессе перевода переводчик членит английские предложения на два, три и даже четыре русских предложения.

Так же к особенностям перевода романа можно отнести такие лексические трансформации как транскрипция (8,4%), транслитерация (6,7%). Это объясняется наличием в романе большого количества имен собственных мифических героев, исторических и библейских персонажей, раннехристианских подвижников. В тексте романа обнаружено большое количество топонимов: название стран, городов, рек, морей и тд., которые были переведены традиционными методами транскрипции и транслитерации.

Методом частичной транслитерации были переведены многие интернационализмы. Имена собственные и топонимы были переведены в соответствии с англо-русским словарем регулярных соответствий.

Характерная черта исторических романов это большое количество реалий, в романе, методом калькирования (6,2%), были переведены многие реалии эпохи древней Александрии.

2.4 Выводы по 2 главе

Лексические средства выразительности и стилистические приемы являются важными средствами создания идейно-художественного содержания романа «Ипатия». Основными группами лексики в романе, несущими важную функциональную нагрузку, являются архаизмы, историзмы, культуронимы, слова религиозной тематики.

Количественный анализ лексических стилистических средств показал преобладание эпитетов (21%), метафор (17,2%), аллюзий (11%). Анализ данных средств выразительности в контексте романа выявил их многочисленные функции, а именно, усиление эмоционального эффекта воздействия на читателя.

Самыми частотными способами перевода, согласно нашему исследованию, являются – грамматические замены (19,6%), модуляции (11,9%), конкретизации (11,6%). Эти приемы часто используются при переводе художественной литературы.

К особенностям перевода романа можно отнести такие лексические трансформации как: транскрипция (8,4%), транслитерация (6,7%). Эти приемы применяются для перевода имен собственных, в том числе греческого происхождения, мифических героев, исторических и библейских персонажей, раннехристианских подвижников, топонимов, интернационализмов, реалий эпохи древней Александрии.

Особенностью романа так же является наличие большого количества переводческого комментария (8,2%). Он представлен в структуре текста. Так, комментарию подвергаются исторические персонажи, библейские пророки и раннехристианские подвижники, реалии эпохи древней Александрии, фразеологизмы, цитаты, высказывания героев, если они имеют под собой исторических факт, мифологический или библейский сюжет. Без комментария переводчика смысл романа, заложенный автором, был бы утрачен или не понят читателем в полном объеме.

Заключение

В данной бакалаврской работе были рассмотрены особенности перевода художественной литературы и способы преодоления трудностей, возникающих при этом виде перевода.

Важнейшей особенностью художественного или литературного текста является образное изображение действительности. Это связано с такими особенностями литературных произведений, как выразительность и метафоричность, которые достигаются с помощью различных лексических средств выразительности и стилистических приемов [29, с.49].

Лексические выразительные средства очень разнообразны и многочисленны. Основная трудность для переводчика заключается в том, что при переводе необходимо передать значение оригинального текста так, чтобы читатель мог понять суть высказывания. Перевод стилистических приемов, несущих образный смысл произведения, часто вызывает трудности у переводчиков из-за национальных особенностей и различия стилистических и грамматических систем языков [44, с.58]. Все переводчики художественной литературы подчеркивают необходимость сохранения оригинальных авторских стилистических приемов в переводе, но при этом, переводчик так же должен стремиться воспроизвести функцию приема, а не сам прием [5, с.61].

В процессе перевода переводчик использует различные переводческие трансформации для достижения эквивалентности, чтобы максимально приблизиться к исходному тексту. При этом переводчику необходимо стараться сохранить уникальный авторский стиль, донести до читателя сложный внутренний смысл произведения, заложенный автором и переданный через различные лексические и стилистические средства [32, с.61].

Произведения Ч. Кингсли, занимающие важное место в английской классической литературе, позволяют всесторонне проанализировать особенности художественного перевода, частотность и специфику

применения лексических средств выразительности и переводческих трансформаций при передаче текста с английского на русский язык.

Художественная система, исследуемого в практической части нашей работы романа «Ипатия», строится на ключевых темах: язычество и христианство. Противоборство и преемственность этих двух религиозных направлений раскрывается в спорах главных героев романа: монаха Филимона и языческой женщины-философа Ипатии. Многообразие системы образных средств и форм языковой реализации позволяет автору романа в каждом конкретном случае выбрать свой вариант, соответствующий контекстуальным и прагматическим задачам повествования.

Основной характеристикой романа Ч. Кингсли «Ипатия» является реалистичность художественного повествования, позволяющая представить историческую обстановку буквально наяву. Большое значение в романе занимают аллюзии и фразеологизмы библейской и мифической направленности. Они придают роману особую атмосферу эпохи древней Александрии, знакомят читателя с историческими фигурами того времени. Другой характерной чертой является эмоциональность, пафосность романа. В создании этих двух характеристик важную роль играют лексические средства выразительности и стилистические приемы.

При стилистическом анализе романа нами было выявлено, что автор использует богатый арсенал лексических средств выразительности и стилистических приемов. В то же время, количественный подсчет указывает на значимость трех приемов, составляющих своеобразие индивидуального стиля автора: эпитеты, метафоры и аллюзии. Большинство выявленных приемов оказывают влияние на эмоционально-экспрессивную окраску слова, на его значение.

На материале романа Ч. Кингсли «Ипатия» был проведен количественный анализ используемых переводчиком лексических, грамматических и лексико-грамматических трансформаций в переводе. Согласно данному анализу, при переводе произведения чаще всего

приходилось прибегать к таким приемам как: грамматическая замена, модуляция и конкретизация. Эти переводческие трансформации характерны для перевода художественной литературы.

Для создания неповторимой атмосферы романа, сложных характерных героев, эмоциональных и красочных описаний чувств персонажей, их духовных исканий и трагических событий, приведших к гибели главной героини, Чарльз Кингсли прибегает к самым разнообразным лексическим и стилистическим средствам. Они и составляют основную трудность для работы переводчика.

Несмотря на многообразие и разнохарактерность лексических средств, которые содержит роман, переводчица Н. А. Белозерская, путем использования различных переводческих трансформаций, нашла наиболее оптимальный способ перевода и смогла максимально точно передать коммуникативную задачу исходного текста и воплотить изначальный замысел автора. Благодаря наличию переводческого комментария в тексте романа, он имеет не только захватывающий сюжет, но несет в себе познавательную ценность исторического романа.

Становление христианской религии на территории Римской империи, завоевание ее германскими племенами – эти события являлись ключевыми в развитии западноевропейской цивилизации. Благодаря мастерству автора романа Чарльзу Кингсли и переводческому таланту Белозерской Н. А. мы можем в полной мере оценить величественность и, одновременно, трагичность этой переломной эпохи в истории человечества.

Библиография

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 240 с.
2. Брандерс М. П., Провоторов В. П. Предпереводческий анализ текста. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 224 с.
3. Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский: Учебное пособие. – М.: Изд. УРАО, 2002. – 208 с.
4. Бузаджи Д. М., Ланчиков В.К. Текст. Анализ. Перевод. – М.: Р.Валент, 2012. – 327 с.
5. Виноградов В. В. Перевод. Общие и лексические вопросы: [учеб. пособие] / В. С. Виноградов. – [2-е изд., перераб.]. – М.: Кн. дом Ун-т, 2004. – 235 с.
6. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка: учебное пособие / И.Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1981. – 334 с.
7. Гальперин А. И. Очерки по стилистике английского языка: учебник / А.И. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1958. – 459 с.
8. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. - М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2004. – 544 с.
9. Гончаренко С. Ф. История языкознания: Учеб. пособие. 2005. – 67 стр.
10. Гуревич В. В. English Stylistics. Стилистика английского языка: Учебное пособие / В. В. Гуревич. – М.: Флинта, 2015. – 72 с.
11. Ермолович Д. И. Методика межъязыковой передачи имен собственных. – М.: Всесоюзный центр переводов, 2009 – 245 с.
12. Знаменская Т. А. Стилистика английского языка. Основы курса: учебное пособие / Т. А. Знаменская. – М.: УРСС, 2002. – 205 с.
13. Казакова Т. А. Практические основы перевода – СПб.: Союз 2005. – 319 с.
14. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. – М.: Инъязиздат, 2008. – 206 с.
15. Карабанова, О. О. Переводческие трансформации как понятие и явление [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук / Карабанова О. О. – М.: МПУ, 2000. – 24 с.

16. Клименко А. В. Ремесло перевода. Практический курс – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 190 с.
17. Комиссаров В. Н. Теория перевода – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
18. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. – М.: ЛКИ, 2007. – 165 с.
19. Комиссаров В. Н., Рецкер, Я. И., Тархов, В. И. Пособие по переводу с английского языка на русский / В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, В. И. Тархов. – М.: Изд. Лит. Ин. яз, 1960. – 175с.
20. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: Изд-во Р. Валент, 2011. – 192 с.
21. Лапшина, М. Н. Стилистика современного английского языка: Учебное пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М. Н. Лапшина. – М.: ИЦ Академия, 2013. – 272 с.
22. Лосев А. Ф., Сонкина Г. А. Античная литература: Учебник для студентов / под ред. проф. А. А. Тахо-Годи. – М.: ЧеРо, 2005. – 331 с.
23. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода. – М.: Изд-во URSS, 2007. – 220 с.
24. Мамаева А. Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии: автореф. дис. канд. филол. наук / Мамаева Алиса Герцевна. – Тверь, 2004. – 24 с.
25. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. – М.: Московский Лицей, 1996. – 207 с.
26. Нелюбин, Л. Л. Лингвостилистика современного английского языка: Учебное пособие, стер / Л. Л. Нелюбин. – М.: Флинта: 2015. – 128 с.
27. Полуныя И. В. Очерки по практике перевода. – М.: Р. Валент: 2008. – 186 с.
28. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – Р.: Валент: 2007. – 217 с.
29. Сдобников В. В. Теория перевода. – М.: 2007. – 187 с.
30. Семенов А. Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности. – М.: 2013. – 224 с.

31. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка: учебник для институтов иностранных языков: 2-е изд. испр. и доп., – М.: АСТ, 2004. – 221 с.
32. Соколова Л. А., Трофимова Е. П., Колевич Н. А. Грамматические трудности перевода с английского языка на русский.– М.: 2008. – 130 с.
33. Соколова Н. И. Религиозные конфликты викторианской эпохи в «Трагедии святой Ч.Кингсли», Филология и культура, 2013. – 67 с.
34. Сомова Е. В. Своеобразие английского религиозно-исторического романа XIX века (Ч. Кингсли, Н. Уайзмен) // Филологические науки. 2008. – № 5. с. 33-42.
35. Сомова Е. В. Оксфордское движение и исторический роман середины XIX века // Знание. Понимание. Умение. Научный журнал Московского гуманитарного университета. 2008. № 2. с. 166-171.
36. Сомова Е. В. Изображение уходящей античности в романе Ч. Кингсли «Ипатия» // Всемирная литература в контексте культуры. Сборник статей и материалов XV Пуришевских чтений. М.: МПГУ, 2003. – с. 261-263.
37. Сомова Е. В. Античный мир в английском историческом романе XIX века: Монография. М.: Издательство Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2008. – 200 с.
38. Сомова Е. В. Роман Ч. Кингсли «Ипатия» и религиозные искания в английской литературе 60-х годов XIX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. Выпуск 1 (7). 2006. – с.110-115.
39. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст]. / А. В. Суперанская. Изд. 2–е, испр. – М.: Изд–во ЛКИ, 2007. – 368 с.
40. Топорова, Т. В. К вопросу об именах собственных как средства идентификации мифологических персонажей.// "Вопросы ономастики". – 2005. – № 2 – с. 45-51.

41. Трофимова З. П. Христианский социализм в Англии в 19 веке. – М.: Вестн. Моск. Ун-та. Философия, 2015. – 35-45 с.
42. Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки / А. Федоров. – Л.: Сов. писатель : Ленингр. отд-ние, 1983. – 352 с.
43. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (Лингвистический очерк). – Спб.: Изд-во Филология три, 2002. – 395 с.
44. Чуковский К. И. Высокое искусство: принципы художественного перевода. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 442 с.
45. Galperin I. R. Stylistics: Стилистика английского языка. 2-е издание – М.: Высшая школа, 1977. – 334 с.
46. Catford J. A linguistic theory of translation [Текст]. – London, 1965.
47. Clifford, John, Socialism and the Teaching of Christ (Fabian Tract No. 78), London, 1897. – 162 с.
48. Lightman B. Christian Evolutionists in the United States, 1860-1901 // Journal of Cambridge Studies, Vol 4. No.4, 2009, – 14-22 с.
49. Vinay, J.-P, Darbelnet. J. Comparative Stylistics of French and English: A Methodology for Translation [Текст]. – Paris: John Benjamins Publications, 1995. – 358 с.
50. Watson N. J., Weir, S., Friend, S. «The Development of Muscular Christianity in Victorian Britain and Beyond» // Journal of Religion & Society, Vol. 7, 2005, pp. 1-21.

Список словарей

51. Азаров А. А. Большой англо-русский словарь религиозной лексики. Comprehensive English-Russian Dictionary of Religious Terminology. – М.: Фрагмент книги, 2014. – 530 с.
52. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Науч-ред совет изд-ва «Советская Энциклопедия» Ин-т Языкознания АН СССР. Гл. ред. Ярцева В. Н. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 682 с.

53. Новый Большой Англо-Русский Словарь [Текст] / Под рук. Апресяна Ю. Д. и Медниковой Э. М. В трех томах. – М.: Русский язык, 1998.
54. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст]. 2-е изд. испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
55. Современный словарь иностранных слов (19 000 слов) [Текст]. Изд. 18, стер. – М.: Русский язык, 1989.

Источники иллюстративного материала

56. Кингсли Ч. Ипатия: ИКП «Паритет» ЛТД; Харьков; 1994. Текст издания: Чарльз Кингсли. Ипатия. Пер. Н.Белозерской. (1893 г.) М.:Жургазобъединение, 1936. – 353 с.
57. Kingsley Ch. Нуратиа – or New Foes with an Old Face, «FreeBooks - Project Gutenberg» [Электронный ресурс] URL: <https://www.gutenberg.org/files> (Дата доступа: 03.06.2018).

Аннотация
к выпускной квалификационной работе на тему:
Особенности перевода художественной литературы на примере романа
Ч. Кингсли «Ипатия»

Выполнена студенткой профиля подготовки: «Зарубежная филология»
(английский язык и литература; теория и практика перевода),
Поволжского православного института им. Святителя Алексия,
митрополита Московского,
Никишиной Олесей Александровной.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения особенностей художественного перевода и определения специфики применения переводческих трансформаций, и лексических средств выразительности, при переводе классического английского романа Ч. Кингсли «Ипатия», так как с лингвистической точки зрения, творчество английского писателя и проповедника, недостаточно изучено в России.

Цель данной бакалаврской работы заключается в том, чтобы выявить частотность и специфику использования лексических средств выразительности и переводческих трансформаций при переводе художественного текста с английского языка на русский.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- изучить теорию перевода художественного текста;
- выявить особенности художественного перевода и трудности связанные с ним;
- проанализировать классификацию лексических средств выразительности и стилистических приемов;
- исследовать понятие «переводческая трансформация» и ее типы;
- актуализировать влияние либеральных взглядов Ч. Кингсли на идейно-художественное содержание романа «Ипатия»;
- исследовать переводческие трансформации и стилистические приемы, использованные в романе Ч. Кингсли «Ипатия»;
- произвести количественный анализ частоты и специфики использования лексических средств выразительности и стилистических приемов в романе Ч. Кингсли «Ипатия»;
- произвести количественный анализ частоты и специфики использования лексических, грамматических и лексико-грамматических трансформаций в романе Ч. Кингсли «Ипатия».

Бакалаврская работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения и библиографии.

Объем работы составляет 81 страницу.

Список цитируемой литературы составляет 50 источников.